

[Polaris]

РЭЙ КАММИНГС

ЧЕЛОВЕК НА МЕТЕОРЕ

Повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XII

Salamandra P.V.V.

**РЭЙ
КАММИНГС**

**ЧЕЛОВЕК НА
МЕТЕОРЕ**

ПОВЕСТЬ

Salamandra P.V.V.

Каммингс Р. К.

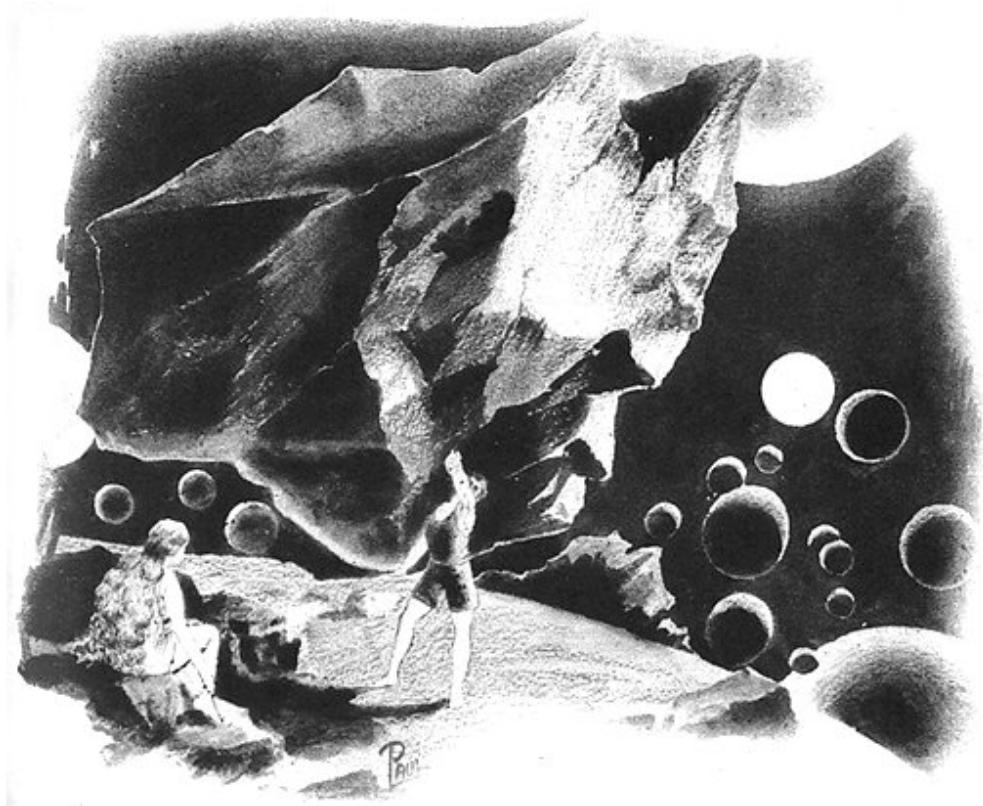
Человек на метеоре: Повесть. Послесл. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 95 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XII).

Старик Нэмо не знает, как и где появился на свет. Безумец ли он – или только внешне напоминает человека? Нэмо помнит лишь каменный обломок в кольцах Сатурна, где обитал со своей возлюбленной Ноной, полеты без крыльев, жизнь в подводном городе мариноидов и схватки с врагами и чудовищами глубин.

Повесть «Человек на метеоре» (1924) написана Р. Каммингсом, одним из родоначальников и королей американской pulp-фантастики.

© М. Fomenko, послесловие, 2013

© Salamandra P.V.V., оформление, 2013

ЧЕЛОВЕК НА МЕТЕОРЕ

Рисунки Ф. Р. Пауля

ЧЕЛОВЕК НА МЕРКУРИИ

ЧАСТЬ I.

I.

Я не знаю, где я родился. Не знаю, в какой стране — не знаю даже, на какой планете это произошло. Мне стараются объяснить, что я родился здесь, где я нахожусь теперь — на Земле. Это нелепо. И когда вы прочтете, что я совершил, когда узнаете, какие необыкновенные приключения произошли со мной, для вас станет ясно, что меня могла породить только цивилизация более великая, чем любая из существующих на вашей Земле. Я сомневаюсь даже, родился ли я на одной из планет солнечной системы. Теперь мне должно быть восемьдесят лет — по вашему земному исчислению времени. Я старик, и в памяти моей странные пробелы. В жизни моей есть периоды, которые я не помню, о которых не могу дать отчета. Но я уверен, что вы вместе со мной переживете историю моей жизни — я расскажу ее вам так, как я ее припоминаю.

II.

Первое воспоминание.

Первое воспоминание мое относится к тому времени, когда я был молод, был в полном расцвете физической силы. Мне было лет двадцать, волосы и глаза мои были темные, тело стройное, но мускулистое и сильное. Тот день от-

четливо сохранился в моей памяти, но что было со мной до того — я не помню. Я увидел, что лежу на земле. Было темно, и небо надо мной было усеяно звездами и освещено странным сиянием.

Я сел, усталый, больной и весь разбитый. На мне было нечто вроде резинового костюма, за спиною у меня был тюк, на голове шлем из прозрачного, твердого материала.

Мне казалось, будто я задыхаюсь; я сорвал шлем, отбросил его от себя и стал глубоко вдыхать ночной воздух. Он был чистый и приятный, но пьянящий. Он возбуждающе подействовал на меня, как крепкое вино.

Я сказал, что сел. Это не совсем точно. Я уперся локтями в землю, и все тело мое поднялось в воздух. Приняв сидячее положение, я снова опустился. Я был легок, как перо!

Ночь была тиха, не было ветерка, воздух был неподвижен, — к счастью для меня, так как при малейшем ветре меня унесло бы в пространство! Я сидел и растерянно размышлял над тем, кто я такой в сущности. Я ничего не знал, не знал даже своего собственного имени. Тогда-то я и назвал себя Нэмо*. Мне говорят, что некогда здесь, на земле, был знаменитый морской капитан Нэмо**. Уверяю вас, что это простое совпадение, так как у меня нет никакой связи с вашей Землей, кроме того, что в настоящее время я, к несчастью, нахожусь на ней в заключении.

Место, на котором я очутился в ту звездную ночь, имело вид голого ландшафта, оживленного только несколькими низкорослыми деревьями странной формы. Горизонт был очень близко от меня — действительно, почти на расстоянии руки — так как поверхность почвы была выгнута, образуя огромную выпуклость.

В самом деле, казалось, что я уцепился за верхушку шара, который несется в пространстве. Видно было, как звезды плывут по небу.

Прошло не больше минуты с того момента, как я пришел в себя, и на горизонте показалась Луна. Затем другая.

* По-латыни — Никто. *Пр. пер.*

** Герой Жюль-Верна. *Пр. пер.*

Затем внезапно миллионы крошечных миров, озаренных серебристым, отраженным от солнца, светом вырвались из-за горизонта и рассыпались по небу. За ними я увидел страшный шар как бы из расплавленного серебра с темными полосами на нем — такой огромный, что, поднявшись, он заполнил почти все небо.

Я не хочу рассказывать вам ничего таинственного, не хочу заставлять вас ломать себе голову. Я находился на крошечном метеоре — одном из мириад, кишащих в круглых орбитах планеты Сатурн и образующих его кольца.

Несомненно, вы невежды. Я нахожу, что большинство жителей Земли невежественны. Позвольте мне в дальнейшем рассеять ваше невежество светом знания.

Сатурн — шестая по величине планета Солнечной системы. Предполагаемое расстояние его от Солнца равняется 887.098.000 миль. Диаметр его почти равняется диаметру Юпитера — точнее говоря, имеет 74,163 мили. Однако, плотность его немного менее половины плотности Юпитера, и составляет только одну девятую плотности Земли.

С кольцами Сатурна вы, вероятно, в общих чертах знакомы. Они концентричны и окружают планету наподобие плоских полей шляпы — полей шириною более, чем в 37.000 миль. Кольца эти состоят из биллиона биллионов крошечных метеоров, вращающихся вокруг Сатурна, все почти в той же самой плоскости, и каждый сохраняет свою особую орбиту — всё крошечные спутники, и все сияют серебристым, отраженным от солнца, светом. И вот на одном из таких крошечных метеоров я и очутился. Не воображайте, что в тот момент все эти данные были мне уже известны. Далеко не так. У меня не было никаких познаний. Тело мое возмужало, но я ни в чем не мог разобраться, и только инстинкт и едва просыпающийся разум руководили мною.

Я отбросил от себя свой прозрачный шлем. Он выскочил у меня из руки и пронесся по воздуху, подобно камню из метательного орудия. В последний раз увидел я его, когда он уплывал над рядами деревьев.

В голове моей была еще путаница, но я понял, что тело мое слишком разгорячено. Я снял с себя резиновую одеж-

ду и тюк и оказался в белом вязаном, похожем на купальный, костюме — в рубашке без рукавов и в коротких штанах.

Первый проблеск света.

Я встал, пошатываясь, и оказалось, что во мне как раз достаточно веса, чтобы удержаться на ногах. Голова моя кружилась, я думаю, главным образом, от особых свойств воздуха.

Воздух! удивляетесь вы. Воздух на таком метеоре! Вы называете себя астрономом? Тогда, задавая такой вопрос, вы обнаруживаете свое невежество. Воздух там был, или во всяком случае было нечто, чем я мог дышать, и доказательством должно служить вам то, что я жив, нахожусь здесь и говорю с вами.

Взгляд мой охватывал пространство протяжением, вероятно, в четверть мили. Поверхность метеора была выпуклой, спадая книзу во всех направлениях, так что казалось, будто небо на горизонте находится ниже уровня моих ног. Очевидно, я был на вершине шарообразного небесного тела.

Над головой моей кишели биллионы крошечных светил. Иногда частицы звездной пыли попадали в атмосферу, окружавшую меня — то мгновенно samozажигались и сгорали отливающим красным светом падающие звезды. А позади всего этого висел гигантский серебряный шар — Сатурн.

Весь небесный свод заколебался. В несколько минут половина Сатурна опустилась за горизонт. За мною поднялось Солнце — Солнце меньших размеров, чем оно кажется вам здесь, на Земле, но почти такого же желто-красного света.

Появился дневной свет. Но Солнце, давшее его, так быстро поднималось к зениту, что могло достигнуть его меньше, чем через час, и тогда миновала бы первая половина моего дня.

Теперь я увидел, что стою на небольшой возвышенности черной песчаной почвы. Вокруг были расположены скалы из какого-то металла, почва была местами покрыта унылой, скудной растительностью синеватого цвета, редкими низкорослыми деревьями. У них были широкие, согнутые углообразно стволы, голубовато-белые верхушки, раскинувшиеся футов на десять, и листва синевато-белого цвета. Сзади меня был зубчатый металлический утес, вероятно, футов сто вышиною.

Вокруг не было видно ни воды, ни какого бы то ни было признака жизни. Внезапно я почувствовал и голод, и жажду.

Что мне было делать? Мир, котором я находился, был так мал, что я мог бы пойти в любом направлении и через самое короткое время вернуться к исходному пункту. Пойти! Невозможно было ходить! Во мне не было почти никакого веса. Я стоял, упираясь на кончики пальцев, напрягая все мускулы, чтобы удержаться в равновесии, чувствуя себя похожим на воздушный шар, готовый подняться ввысь.

Так рассуждаю я теперь. В то время я был неспособен мыслить и соображать. Я знал только, что я голоден, и что жажда мучает меня — такой голод и такая жажда, от которых можно сойти с ума. Но я был молод и полон сил, а молодость всегда готова к борьбе.

Я сделал шаг вперед. Под влиянием легкого толчка ноги, тело мое поднялось в воздух широкой дугой. Я полагаю, что поднялся на сто футов, плывя вперед по направлению к группе деревьев на горизонте. Я потерял равновесие; руки и ноги мои раскинулись. Я легко плыл, опускаясь книзу и спустился лицом вниз недалеко от дерева! Вы улыбаетесь! Уверяю вас, что мне было не до смеха! Я снова встал, дрожа от изумления и испуга. За прежним горизонтом открылась новая перспектива. Я увидел еще небольшие зубчатые утесы на расстоянии нескольких сот футов, а за ними, над головокружительным, убегающим вниз, выпуклым обрывом метеора, расстилалось лазурное безоблачное пространство.

Страх охватил меня, и теперь я знаю, что было вполне достаточное основание для этого. Если бы я беззаботно

подпрыгнул в воздух, то мог бы навсегда покинуть мой крошечный мирок — ускользнуть от его незначительной силы притяжения настолько, чтобы превратиться в его спутника, или, может быть, даже совершенно удалиться от него и стать спутником Сатурна!

Негостеприимный мир.

Маленький мирок, в котором я очутился, был до крайности негостеприимен; и все-таки, если бы мне пришлось сознательно выбирать, я предпочел бы не покидать его ради пустого пространства. Я страдал от холода и жажды, и, что еще хуже, не в состоянии даже был дышать.

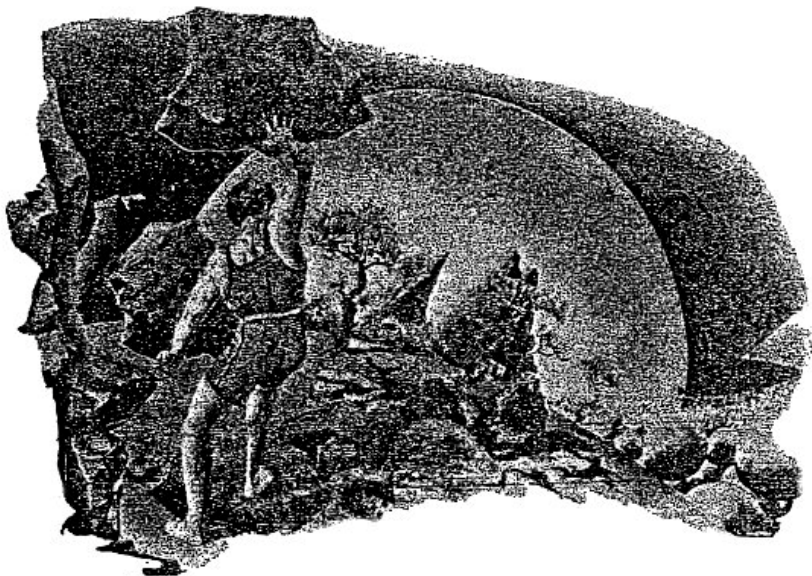
В каком бы несчастном положении вы ни оказались, вы можете найти утешение, если отнесетесь к нему по-философски. Действительно, всегда можно отыскать нечто еще худшее.

Какова бы ни была моя жизнь до того дня, часть ее я, очевидно, провел в странствованиях. Я знаю это потому, что меня инстинктивно влекло ходить, передвигаться. Я решил придать себе тяжесть при помощи глыб и таким образом получить способность держаться на ногах. Напрасная затея! Я схватил по огромной глыбе из черного металлического кварца каждой рукой — для того только, чтобы убедиться, что и глыбы в моих руках легки, как перья!

Разъяренный, бросил я их в воздух. Они уплыли и скрылись за горизонтом. Несомненно, они исчезли из моего мира, чтобы не вернуться никогда...

Солнце теперь прошло зенит. Была вторая половина дня. Скоро снова наступит ночь.

Чтобы опереться на что-нибудь, я уцепился за ствол дерева, когда увидел очень близко от себя нечто похожее на вход в пещеру. Я стал пристально всматриваться, как вдруг снизу показалась фигура. Я не двигался, а это существо, по видимому, не видело меня.

Это была девушка, имевшая такой же человеческий образ, как и я. Она стояла, покрытая длинной волнистой массой золотистых волос. Должно быть, я испустил какое-нибудь легкое восклицание, так как через мгновение она взглянула по моему направлению. Я мельком увидел прекрасное продолговатое лицо, окаймленное золотистыми косами, полные и красные губы, голубые глаза, расширенные в ту минуту от страха.

Она сразу отделилась от земли и быстро пронеслась мимо меня, грациозно лежа в воздухе на боку, ритмично двигая руками. Она плыла в воздухе с грацией и ловкостью сирены!

Я стоял, очарованный. Мгновенно она пронеслась над покатым склоном метеора и скрылась.

III.

Могу ли я сказать, что вид этой девушки вызвал во мне волнение более сильное, чем мои ощущения голода и жажды? Нет. Я был в самом расцвете молодости, но вид этой прекрасной женщины взволновал меня только потому, что теперь я инстинктивно знал, что могу найти пищу и воду.

Я стал карабкаться вперед, с трудом цепляясь за почву и влез в отверстие ее пещеры, как какое-нибудь хищное животное, которое рыщет в поисках пропитания.

Вход пещеры вел в туннель, спускающийся под углом вниз. Стены были гладкие. Я медленно сошел вниз, полускользя, полупадая. На мгновение мне пришла мысль, что я могу встретить другие живые существа — и они помешают мне добыть желанную пищу и питье. Повстречайся мне живые создания — люди или животные — я знаю, что стал бы отчаянно бороться.

В туннеле было темно; но внезапно я увидел, что скалы светятся фосфорическим светом. По мере того, как я продвигался вперед, свет этот становился ярче.

Исследование пещеры.

Я спустился вниз, вероятно, футов, на двести; затем туннель кончился. Я оказался в подземной комнате неопределенной формы, по-видимому, величиною в пятьсот квадратных футов; на расстоянии около пяти футов надо мною был черный, каменный потолок. Вся пещера была освещена тусклым красно-серебристым светом, который шел от скал. Воздух был плотнее и был напоен острым ароматом. Казалось, он подкреплял меня, и голова моя прояснялась от него.

Края пещеры были неровны и шероховаты, со свисающими наподобие рифов глыбами. В разных местах видне-

лись другие небольшие входы в туннели. А самое важное, через пещеру протекал маленький подземный ручей, образуя около середины небольшое озеро. На вид это была прозрачная, молочно-белая жидкость. Я кинулся в нее, разбрызгивая брызги. По вкусу она была похожа не на молоко, а на чистую холодную воду, была прозрачна и светла. Я напился вдоволь. Как это было приятно!

На насыпи около ручья лежала куча переплетенной синей травы, какие-то изделия из нее. Можно было догадаться, что это ложе девушки. Ткани были очень мягки и легки, как паутина. Я стал вытираться одной из них. Но вода — буду так называть эту жидкость — испарялась, как алкоголь, и я высох в одну минуту.

Здесь же была пища. На клочке черной почвы росло что-то странное, похожее на грибы. Я не сомневался, что это и была пища девушки. Тут были остатки костра, хотя в то время я не знал, что это такое. На камне лежал сваренный гриб. Я съел его.

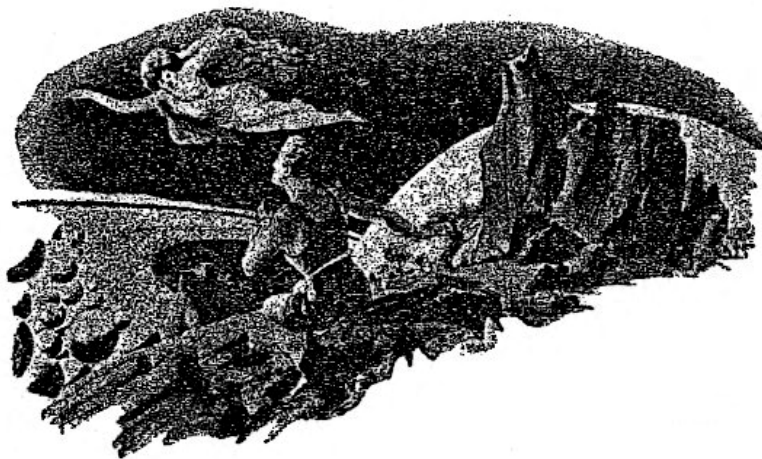
Я поудобнее раскинулся на ложе. Синие ткани лежали вокруг меня, похожие на лебяжий пух. Благодаря моему незначительному весу, мне казалось, что я плыву в нем. Это был момент сознательного физического покоя.

После того, как я утолил голод и жажду, мысли мои вернулись к девушке. Она была не только первой женщиной, но, насколько я помню, первым живым существом, которое я когда-либо видел. Где она теперь? Смогу ли я ее поймав?

Я увидел, как что-то движется по пещере. Входное отверстие было по ту сторону ручья; и в тусклом сиянии света я различил стоящую там девушку. Она наблюдала за мной, как я завладел ее ложем и лежал теперь на нем.

Я замер неподвижно. Мгновение спустя она стала подвигаться вперед, робко, но с любопытством рассматривая меня. Она остановилась не больше, как в пятидесяти футах от края ручья. Волосы ее волнами ниспадали до колен. Она стояла в нерешительности, испуганная, но какая-то сила, преодолевающая страх, все же влекла ее. Я мог видеть, как мускулы ее тела напрягались, чтобы сразу улететь.

Я намеревался тотчас же прыгнуть через ручей, но странная застенчивость охватила меня. Вместо этого, я позвал ее. Словами? У меня не было разговорного языка. Я произнес какой-то слог. Она испуганно вздрогнула, но ответила — мягким коротким зовом застенчивой доброжелательности. Я хотел, чтобы она перешла через ручей на мою сторону, но она не захотела. Я кивнул ей головой; но она отодвинулась назад, как фея, на кончиках пальцев. Я рассердился, сильно взмахнул рукой и попытался подняться и стать на ноги, стараясь выпутаться из воздушных, развевающихся тканей, покрывавших ложе.

Девушка поднялась и полетела. Она выбросила вперед руки и, как пловец, поднимающийся из воды, поплыла вверх к потолку, и уселась на выступе скалы. Сквозь спутанные волосы лицо ее было обращено ко мне. И хотя глаза у нее были испуганные, но в ее трепещущей улыбке было дьявольски-насмешливое выражение.

Застенчивость соскочила с меня. Она должна повиноваться мне; я ее заставлю. Я оттолкнулся ногами, поднялся на воздух и поплыл так, как, я видел, плыла она. Но это было не так легко, как казалось. Я перевернулся в воздухе, теряя равновесие, и не мог ничего поделать.

Погоня.

Я добрался до выступа, сильно ударился о него плечом и остановился. Но ее там не было. Она стояла в другом конце пещеры, внизу, на ложе, на кончиках пальцев и смотрела на меня. И ее красный рот и живые глаза были открыты с насмешливым выражением.

Полчаса гнал я за ней по всей пещере; но она так легко ускользала от меня, как если бы она была бабочкой, а я одним из ваших земных детей, увлеченным погоней за ней. Она могла скрыться из пещеры, но теперь она уже не боялась меня. Наконец, видя, что усилия мои бесплодны, разбитый и усталый, я упал на ее ложе; и снова она встала поблизости, глядя на меня.

Я рассердился и обиделся. Я притворился, что не обращаю на нее внимания. Наконец, совершенно утомленный, я уснул.

IV.

Когда я проснулся, девушка сидела около меня. Своими мягкими пальцами она гладила мои волосы; прикосновение ее пальцев и разбудили меня. Как только я зашевелился и открыл глаза, она сразу отошла подальше от меня.

Я снова почувствовал голод и знаками стал объяснять ей это, указывая на пищу; она, по-видимому, поняла. Я уселся совершенно спокойно, и через несколько минут она стала проворно готовить еду. Но я заметил, что она внимательно следит за мной и старается пореже подходить близко ко мне.

Огонь у нее получился после того, как она потерла два камня друг о друга. Казалось, что камни горят, давая слабое, мерцающее пламя, которое бывает у горячей серы. Над пещерой были сухие растения; она собрала их в кучу, подож-

гла и, когда все запылало, подбросила обломки скал, которые горели, как уголь. Меня страшно заинтересовал огонь. Он испугал меня; но страх мой быстро прошел, ибо я увидел, что девушка не боится его.

Мне нет надобности пускаться в подробности. Она с довольным видом указала мне на готовую горячую пищу и выжидательно следила за мной, пока я пробовал. Я улыбкой выразил ей свое одобрение и кивнул ей, приглашая поесть вместе со мной. Она села около меня, свернувшись клубком, и стала есть пищу, которую я ей пододвинул.

Мы стали друзьями. У нее, как и у меня, не было разговорного языка. Но когда мы стали пытаться разговаривать, то нам это скоро удалось. Я указал на себя и сказал ей, что меня зовут Нэмо. Слова, казалось, сами собой возникли в моем уме; я не сомневаюсь, что это были отзвуки моей прежней жизни. У нее не было имени. Я назвал ее: Нона. Имя это, кажется, понравилось ей. Она повторяла его за мной несколько раз, в восторге хлопая в ладоши.

Я учусь прыгать и летать.

Немного позже мы вышли из пещеры наружу. Оказалось, что был день и было светло; и Нона стала учить меня, как плавать по воздуху, как справляться с отсутствием тяжести тела.

Я быстро постиг это искусство. Вскоре я уже мог плавать, быстро и сильно действуя руками и ногами. Мои более сильные мускулы давали мне преимущество перед ней. Я мог плавать быстрее ее; но я никогда не мог сравняться с ней в проворстве и ловкости. Она кружилась, грациозно изгибаясь, ныряла вниз головой, выпрямлялась и опускалась на кончиках пальцев.

Мы плыли вокруг нашего маленького шара на высоте ста футов по направлению движения солнца; и через полчаса снова возвращались на то же место. Повсюду видел я тот же самый мрачный ландшафт. Когда мы вернулись, бы-

ла ночь, так как мы обогнали солнце и миновали его. Но через несколько минут снова появился дневной свет.

Тогда Нона показала мне, как надо прыгать. Со сложенными руками, она подпрыгнула вертикально в воздух. Тело ее вытянулось и устремилось вверх, порыв ветра книзу развеял и выпрямил ее волосы. Она держалась прямо, иногда взмахивая рукой. Она неслась, как стрела; скоро я, стоя на земле, увидел, вместо нее, только крошечное темное пятно в небесной синеве.

Через несколько минут она снова появилась; она плыла вниз, волосы ее развевались и было похоже, что на ней златотканая одежда, озаренная солнечными лучами. Она смеялась и покраснела от напряжения.

Тогда, вытянув руки и взявшись за пальцы, мы вместе подпрыгнули вверх. Наш крошечный мирок поплыл вниз. Сверху он казался мячом. Я мог видеть далеко вокруг него.

Казалось, что мы поднимаемся бесконечно. Воздух становился таким разреженным, что мне трудно было дышать. В голове у меня шумело. Мне было холодно. Внизу мне был виден сферический метеор, кружившийся под нами. Мы были в пространстве, в части его, близкой к нашему миру. И мы уже почти достигли границы его атмосферы.

Пальцы Ноны сильнее сжали мои. Внезапно она повернула меня книзу и выпустила. Сбоку вырвался порывистый ветер. Мы плыли вниз, против него, прокладывая себе дорогу, пока, наконец, не вернулись на поверхность метеора.

Я устал, так как до своей неловкости я потратил гораздо больше энергии, чем Нона; но я не хотел, чтобы она это заметила.

Я видел, как она рассматривает мои мускулы и мои плечи, и ее восхищение нравилось мне. Я вытягивал перед ней руки, показывал ей мускулы моих ног; и оглядывался кругом, ища, каким образом показать свою силу. Вокруг лежало много валунов, которые можно было разбросать. Один за другим стал кидать я их в воздух, в Пространство, откуда им никогда не суждено было вернуться.

Я поднимаю горы.

Нона почтительно следила за мной, поощряя меня отрывистыми звуками, выражавшими удовольствие, по мере того, как я выбирал все большие и большие глыбы. Некоторые я откапывал и вырывал, пока, наконец, я не наткнулся на верхушку и склон холма. Это была скалистая гора. Подобно Атласу, я потряс ею над головой и затем подбросил ее в воздух. Она немного подскочила и упала обратно, образовав новый холм.

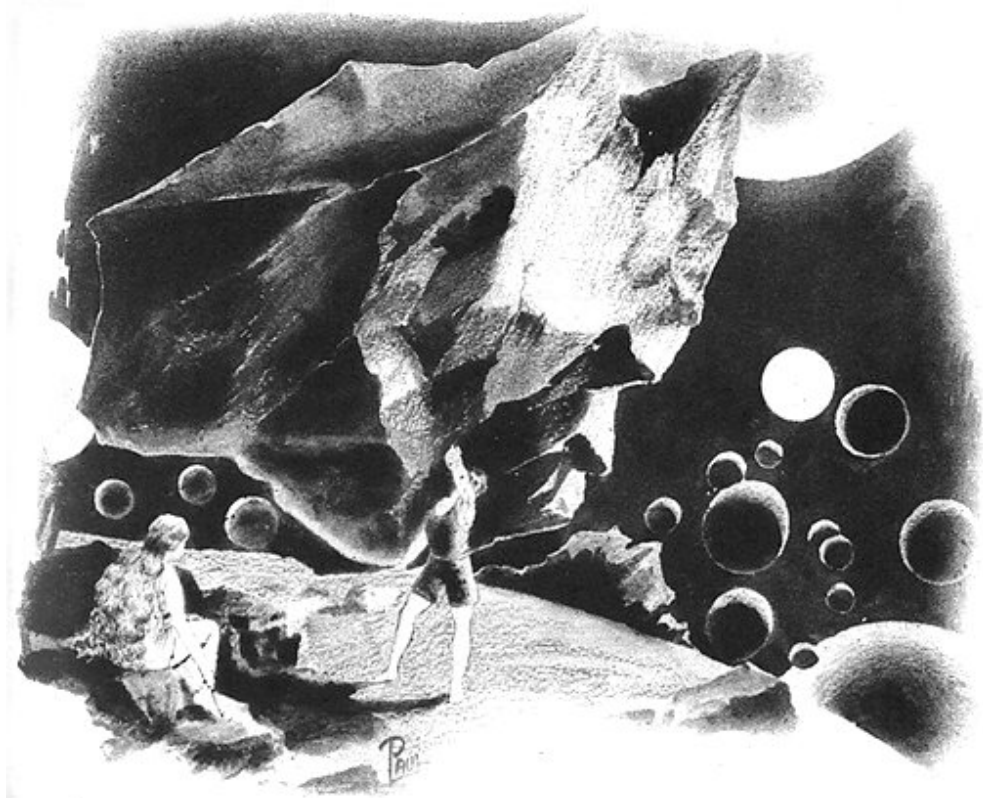
Нона пристально смотрела на меня с еще большим почтением и с таким выражением в глазах, что сердце мое забилось. Я собирался поднять какую-нибудь еще большую тяжесть, но она увела меня оттуда.

Я был доволен. Я был полон ощущением своей собственной силы. Я господствовал над моим маленьким мирком. Я мог бы разобрать его по кускам и разбросать по Пространству. Я мог ниспровергнуть горы и на их местах взгромоздить другие.

Вам нужны точные данные? Теперь я в состоянии привести их вам. Мой метеор имел пять миль в диаметре, около пятидесяти миль в окружности. Плотность его по отношению к Земле была 67. Поверхностное тяготение — опять по отношению к вашей Земле — было 0.00039, принимая Землю за 1.00. Мой вес на поверхности метеора — оставляя в стороне другие факторы, которые я сейчас перечислю — был немного больше одного унция.

Без особого усилия я мог бы подпрыгнуть вверх приблизительно на десять тысяч футов — то есть почти на две мили. А скалистая гора, которую я подбросил в воздух, весила бы на вашей Земле 320.000 пудов!

Я говорил, что глыбы, которые я подбрасывал вверх, уносились с поверхности метеора и уже не возвращались обратно. При начальной скорости в 13 футов в секунду, все предметы становились спутниками метеора, вращаясь вокруг него, сравнительно близко от поверхности, по правильным кругам. Скорость полета равнялась 18½ футов в секунду.

ду, т. е. это была такая скорость, которая заставила бы предмет перейти в следующий слой Пространства, пока он не натолкнулся бы на тело больших размеров, вокруг которого стал бы вращаться.

Я привожу эти данные, не учитывая влияния атмосферы, осевого вращения метеора или притяжения других тел. Теоретически они правильны, хотя на практике они несколько изменяются. В течение нашего короткого дня мы весили больше указанного мною веса, а ночью — меньше. Конечно, если бы мы ночью попробовали прыгнуть в воздух, мы, несомненно, были бы не в состоянии вернуться обратно.. ..

Как это может быть, спрашиваете вы? Это объясняется нашей близостью к Сатурну! Мы вращались вокруг этой большой планеты на расстоянии не больше, чем в тридцать пять тысяч миль. Поверхностное притяжение Сатурна немного больше притяжения вашей Земли — точно говоря 1,07. Плотность Сатурна равняется одной девятой плотности Земли; но разница пополняется его огромным размером. Притяжение Сатурна — по отношению к нам на метеоре имело заметное влияние, хотя бы оно и уменьшилось вследствие расстояния между нами, а затем это возмещалось быстрым вращением метеора.

Итак, вы видите, что когда Сатурн находился под нами — днем — его притяжение присоединялось к нашему. Но ночью, когда он был на небе над нами, его притяжение нужно было вычесть из нашего. Эти условия относились к тем дням, которые я описываю. Наш метеор находился тогда между Сатурном и Солнцем. Позже, через год по нашему, когда мы обошли весь круг около Сатурна, Солнце исчезло. Тогда не было уже дневного света — только сменялись периоды, когда серебристый диск Сатурна заполнял все небо или лазурь была покрыта звездами отдаленного Пространства.

Я еще не упомянул, в течение какого времени наш метеор совершал вращение вокруг оси. По вашему земному исчислению времени — в течение 2 часов 58 минут. Продолжительность суток равнялась меньше, чем трем часам!

Ночь.

Когда я кончил показывать перед Ноной свою силу, снова наступила ночь. И какая ночь! Сатурн находился на расстоянии не больше, чем в тридцать пять тысяч миль. Темные полосы на нем были ясно видны. Когда он был прямо над нашей головой, то лучи венцом расходились от него вниз по всем направлениям почти до нашего горизонта. От него исходил ослепительный свет. И повсюду на небе вихрем проносились метеоры вроде нашего, оставляя серебристый след в пространстве, вспыхивая красным светом, когда части их задевали нашу атмосферу.

Случалось, что метеорит ударялся о нашу поверхность, но нас это не пугало. Мы, вероятно, час простояли вместе, молча, с восторгом наблюдая эти тайны неба. Наконец, Нона увела меня обратно в свою пещеру.

V.

Воздух в пещере показался мне теплее, чем раньше, вероятно, потому, что я разгорячился и утомился от напряжения. От скал шел лучезарный мягкий свет. Здесь было тихо и покойно.

Я сразу бросился на ложе Ноны, вытянулся и заложил руки под голову. Некоторое время она, как прежде, стояла и смотрела на меня. Во взгляде ее теперь виден был не страх, а любопытство и нежность. Я почувствовал это. Она улыбнулась, какая-то неожиданная мысль осенила ее, и она поплыла по пещере. Она достала камень, выдолбленный в виде чаши. Она наполнила его водой из ручья и предложила мне. Я с благодарностью выпил.

Снова я почувствовал голод. Мне мало было только грибов для утоления голода. Я постарался объяснить это Но-

не, и она, по-видимому, была, огорчена. Я видел, что она хочет накормить меня, но у нее нет другой пищи.

Наконец она. подала мне знак, чтобы я лежал спокойно. Я увидел, как она легла ничком на землю около меня. Она приподняла голову; жадно, озабоченно осматривала она пещеру. Затем она поплыла медленно, крадучись, не выше, чем на два фута, над полом пещеры, кружась вдоль стен, поднимаясь вверх под самый свод, огибая края его.

И вот, когда она неслась у самого края стены, я увидел, как она вдруг насторожилась. Я проследил за ее пристальным взглядом, и в пяти футах от нее, на скале, я заметил контуры какого-то пресмыкающегося, которое лежало неподвижно. Оно было совершенно такого же цвета, как скала. Оно было похоже на ящерицу фута три длиною, с выпученными глазами. По глазам я и различил его.

Нона с высоты устремила к скале, на которой лежало животное.

Мясная пища.

Ящерица — буду называть так это пресмыкающееся — увидела, как она приближается. Она прыгнула и поплыла вдоль пещеры. Я увидел, что у нее было шесть лап с перепонками, тонкими, как паутина.

Нона повернула в воздухе за ней, ее гибкое тело извивалось, волнистые волосы развевались. Она плавала быстрее ящерицы, была более ловкой, но та снова ускользнула от нее в противоположную сторону пещеры.

Они летали по пещере, то туда, то сюда. Часто ящерица могла бы скрыться в одном из пещерных проходов, но Нона, более сообразительная, всегда вовремя замечала это и преграждала ей дорогу.

Ящерица, казалось, напрягала все силы и кружилась в воздухе с невероятной быстротой. Но не быстрее Ноны. Вдруг ящерица стала делать быстрые непрерывные движения вперед и назад. Нона плыла за ней, следуя за каждым ее изги-

бом и поворотом, как птица летит за птицей.

Наконец она поймала ее в воздухе в центре пещеры. С торжеством призывав меня, она боролась с ящерицей, стараясь спуститься вниз. Я бросился к ней, но она голосом и жестами остановила меня. Ящерица визжала — пронзительно и отвратительно. Нона согнула ей спину у себя на колене. Спинной хребет с треском переломился. Ящерица неподвижно замерла.

Нона держала передо мной за переднюю лапу ее трепещущее тело; она радостно смеялась и ждала моего одобрения.

Мы взяли мясо с хвоста и с лап, и съели; насытившись, я лег на ткани, меня клонило ко сну, и я наблюдал, как Нона двигается по пещере. Она погасила огонь, и, наконец, робко приблизилась ко мне. Я не обращал на нее внимания. Глаза мои были полузакрыты.

Я смутно грезил о том, как я сам буду добывать пищу, загадывая, не найдутся ли пресмыкающиеся больших размеров, которых я мог бы поймать.

Подергивание покрывал, на которых я лежал, разбудило меня. Нона вытаскивала из-под меня ткань для себя. Я подвинул ее к ней.

Я не двигался. В пещере не слышно было ни единого звука, кроме журчания ручья. Нона свернулась клубком на своей

ткани, недалеко от меня. Мы молчали, но я все время чувствовал на себе ее робкий взгляд, и внезапно сон соскочил с меня.

Мы безмолвно смотрели друг на друга, пока она робко не опустила глаза. С бьющимся сердцем я тихо придвинулся к ней. Я боялся испугать ее; но она не отстранилась, а придвинулась ко мне. Внезапно руки мои обвились вокруг нее.

Так я обрел себе населенный мир и подругу.

К читателю.

Эта рукопись представляет собою записки старика — о котором известно только, что его зовут Нэмо. В настоящее время он находится в одном из наших государственных убежищ для престарелых. Случай — очень любопытный. Начальство убежища сообщило мне, что два года тому назад его нашли на улицах Чикаго — он бродил, страдая, по видимому, потерей памяти. Он не представлял себе, кто он такой, не мог сообщить никаких подробностей о своей прошлой жизни. При нем не было никаких бумаг, никакого удостоверения личности.

Я несколько часов лично беседовал со стариком. Он, несомненно, культурный человек с обширными, хотя и оригинальными, научными познаниями. Он говорит по-английски с необычайным, неопределенным иностранным акцентом — с акцентом, по которому совершенно невозможно судить о его национальности.

Память так и не вернулась к нему. Нельзя было найти никаких следов друзей или знакомых его. В убежище все называют его просто Нэмо, на чем он сам настоял.

Хотя события более поздних годов его жизни еще составляют пробел в его памяти, Нэмо утверждает, что он может совершенно отчетливо, и притом с каждым днем все яснее, вспомнить происшествия своей молодости. Начальство подсмеивается; оно высказало мне предположение,

что он, вероятно, был в свое время каким-нибудь неизвестным ученым и жил, возможно, в Европе. Делаются попытки установить его личность.

Вы прочитали повествование, написанное Нэмо, о его первых сознательных воспоминаниях. По моей просьбе он дал мне рукопись; и уверял меня с цинизмом, за который я не могу порицать его, что никто не поверит ему. Я почти ничего не изменил в его рассказе; он перед вами в таком виде, как Нэмо написал его.

Что касается меня, то я полюбил старика. Личность его производит определенно приятное впечатление, и манеры его внушительны.

Я могу удостоверить, что безумным он может показаться только потому, что приключения, рассказанные им, необычайны. И в наши дни научных успехов, когда ничто не кажется совершенно невозможным — и когда, как это всегда бывало в истории, люди маломыслящие находят самым легким для себя насмехаться надо всем — я воздержусь и не выскажу своего мнения. Я предлагаю вам самим быть судьей Нэмо.

ЧАСТЬ II.

I.

Вы просите меня подробно рассказать вам о Ноне и о нашей жизни на метеоре? Конечно, я удовлетворю ваше желание. Но если вы принадлежите к числу тех, которые не доверяют мне, если вы склонны насмешливо относиться ко всему, что превышает ваши познания или недоступно вашему пониманию, — я прошу вас не читать дальше. Мой рассказ не для таких, как вы.

Вы помните, что первое воспоминание моей жизни относится к тому моменту, когда я юношей двадцати лет, по вашему земному исчислению, очнулся на небольшом метеоре в одном из колец Сатурна. Я подробно описал, как я встретил девушку, имевшую такой же человеческий облик, как и я — нашу первобытную любовь и наш супружеский союз.

Дни, последовавшие затем, были днями счастья для нас обоих. Мы жили в нашей пещере и редко оставляли ее. Мы добывали пищу, готовили ее, ели и спали, пока снова не чувствовали голода — так проходила наша жизнь.

Оба мы были животными с затаенным разумом цивилизованных человеческих существ. Очень скоро мы обрели разговорный язык. Казалось, мы полны слов, которые мы когда-то произносили и теперь почти бессознательно вспоминали. Так бывает с вашими земными детьми, которые приводят своих родителей в отчаяние, так как иногда не говорят до двухлетнего возраста. Они составляют себе запас слов, и, когда подадут голос, легкость их речи поражает.

На каком языке мы говорили? Не могу вам это сказать. Не знаю. Казалось, что мы как бы изобретаем язык, по мере необходимости. И вас должна вполне удовлетворять передача нашей речи на английском языке.

Нона в духовном и умственном отношении была полным моим подобием. Кто она была, откуда появилась, — на эти вопросы она не могла бы ответить. Ее сознательная жизнь началась на метеоре, когда она была уже зрелой женщиной. Умственная деятельность зависит исключительно от памяти. А воспоминания Ноны о времени до нашей встречи, были смутны и расплывчаты. Возможно, что человеческая память может существовать только там, где существует разговорный язык или социальное общение. Не знаю. Даже ваши отшельники не были полными молчальниками.

Другие жители метеора.

Такова была Нона. Как я сказал, мы жили в нашей пещере и любили друг друга — два единственные человеческие существа в нашем мирке. Но это было заблуждение, как вы скоро увидите. Там, на нашем маленьком метеоре, жили тысячи других — правда, не похожих на нас, но все-таки «человекоподобных» существ. Но в то время мы этого еще не знали.

Время шло. Как долго это длилось, не могу сказать. Месяц, пять месяцев, может быть. Время неуловимо, как ветер, в чем вы очень скоро убедитесь, если будете жить в полусумраке, есть, когда вам удастся достать пищу, спать, когда устанете, и если у вас не будет часов или какого-нибудь другого механического прибора для определения времени.

Много забот доставляла нам необходимость постоянно доставать и пополнять запасы пищи. Я упоминаю об этом, так как это обстоятельство было непосредственной причиной вскоре происшедшей необыкновенной перемены в нашем существовании. Однажды случилось так, что мне не удалось поймать ящерицы. Грибообразные растения, которые выращивала Нона, начали внушать мне отвращение. В поисках ящерицы я осмотрел все уголки нашей пещеры, все ее входы и выходы, и, ничего не добившись, вернулся обратно.

Нона развела огонь и сидела около него, осушая свои волосы. Плечи ее были мокрые: она только что вышла из ручья. Несколько раковин, или нечто похожее на них, лежало у ног ее.

— Посмотри! — торжествующе закричала она. — Их можно есть. Мой муж Нэмо может достать их. Их много в воде.

Я вскрыл одну из раковин и съел моллюска. Оказалось вкусно. Чтобы выразить мое одобрение, я поцеловал ее, и руки ее обвились вокруг моей шеи. Нона всегда была очень счастлива, когда я хвалил ее; казалось, она только и думала о том, чтобы заслужить мою похвалу. После того, как она приласкала меня, я встал.

— Как достать их? — спросил я. — Нона должна один раз показать мне, — тогда я буду массаами собирать их, и мы будем их есть.

Вслед затем произошло нечто необыкновенное, то есть то, что показалось бы необычайным вам здесь, на Земле! Что касается меня, то в тот день, на метеоре, я испытал только страх. Нона повела меня в ручей, и мы глубоко погрузились в него. Мне приходилось купаться там, но никогда я не заходил так далеко. Нона, однако, иногда делала это. Теперь она повела меня вперед к тому месту, где вода уходила под низкий полукруглый проход в нашей пещере и углублялась в недра метеора.

Дно ручья под моими ногами постепенно начало понижаться. Вода вокруг меня становилась глубже — дошла до груди, до плеч, почти до шеи. Я испугался. Я старался вырваться из рук Ноны, которая влекла меня вперед. Волосы ее расплылись кругом по воде, как золотистые морские водоросли. Под ее запрокинутым подбородком была молочного-белая вода.

Глаза ее нежно улыбались мне. — Нет, — сказала она. — Мой муж Нэмо никогда не может чувствовать страха.

Страх! Я не мог допустить, чтобы она заметила это. Я презрительно фыркнул, и мы пошли вперед.

Вода дошла мне до подбородка. Мы теперь были совершенно под землей — едва на фут от моей головы был пото-

лок подземного прохода. Я мог различить впереди место, где потолок касался воды.

Внезапно я вспомнил о Ноне. Одной рукой она все еще держала меня, а другую вытянула, упираясь в боковую стену, чтобы помочь нам бороться со слабым течением, увлекавшим нас вперед.

Вода теперь достигала почти верхушки ее головы. Я мог рассмотреть ее лицо под поверхностью воды. Круглый рот ее был широко раскрыт; из него с бульканьем выходили один за другим воздушные пузыри. Грудь ее равномерно и быстро расширялась и сжималась, по-видимому, с большим напряжением, как у запыхавшегося человека. О н а в д ы х а л а в о д у.

II.

Я молча пристально смотрел на Нону.

Все меньше воздушных пузырей показывалось у нее изо рта, пока, наконец, они совершенно перестали появляться. Воздух из ее легких совершенно был вытеснен; его заменила вода. Открытым ртом она втягивала и выпускала воду — быстрое дыхание до крайнего предела напрягало междуреберные мускулы.

Нона улыбалась мне из-под воды, которая была теперь не молочно-белой, а странно светлой и прозрачной. Я почувствовал, как она потянула меня за руку; я ступил вперед, и лицо мое погрузилось в воду.

Каково бы ни было мое прежнее существование, несомненно ничего подобного мне не приходилось испытывать. Инстинктивно я удерживал дыхание, пока только мог. Я старался вырваться от Ноны и высунуть голову из воды. Но она удерживала меня; и страх мой, как бы она не заметила, что я боюсь, был сильнее страха перед водой.

Вместо воздуха — вода.

Наконец, задержанное дыхание с шумом вырвалось из моего рта. Затем, в отчаянии я вдохнул глоток воды и едва не задохнулся. Я попробовал кашлянуть, но не мог или, вернее, кашель превратился в выдох.

В ушах у меня шумело, как будто мимо них быстро неслись потоки вашего водопада Ниагара. Голова моя и грудь разрывались на части; сначала их охватило ледяным холодом, затем они горели, как огонь. Глаза мои были открыты. Я стоял около Ноны, и она смотрела на меня. В полусвете воды я мог видеть ее почти так же отчетливо, как на воздухе. Она ободряюще улыбнулась мне, и я постарался ответить ей улыбкой.

Теперь я втягивал и выпускал воздух, широко раскрыв рот, как издыхающая рыба. Мускулы моей груди и диафрагмы мгновенно напряглись. Дыхание стоило мне страшных усилий. Казалось, что тяжесть в груди сдавливает мне сердце; внутреннее пламя как бы сжигало меня — миллионы воспаленных крохотных легочных проходов противились вторжению непривычного вещества.

Все кружилось перед моими глазами. Я потерял сознание от недостатка кислорода. Отравленная венозная кровь затуманила мой мозг.

Затем я стал чувствовать себя лучше. Я дышал уже почти так же быстро, как Нона и далеко не с таким усилием, как раньше. Вы сомневаетесь? На том основании, что вы не можете дышать вашей земной водой, вы делаете вывод, что и я не мог дышать той водой, которая была на моем метеоре. Что за странная логика! Однако, все вы, жители Земли, мыслите таким образом. Это — недостаток вашего мышления, думаю я, поэтому я должен попытаться разъяснить вам, в чем дело.

Дыханием достигается два существенных обстоятельства. Во-первых: в организм вводится кислород, при содействии которого вещества, получающиеся от разложения мускулов, нервных и иных тканей, могут превращаться в лег-

ко удаляемый состав. Во-вторых: непосредственно удаляется самый вредный и потому самый важный из этих испорченных веществ — углекислый газ. У человека, насколько вы изучали его на Земле, это совершается при помощи легких. Венозная кровь, испорченная углекислым газом и другими вредными веществами, нуждаясь в новом притоке кислорода и в удалении углекислого газа, проталкивается сердцем через легкие. Они по своему строению представляют собой огромный внутренний орган, по поверхности покрытый сетью сосудов, через которую бесчисленными мельчайшими струями протекает кровь.

При дыхании вдыхаемый воздух отделяется от крови только необычайно тонкой пленкой, толщиной меньше, чем 1/20.000 дюйма. Сквозь эту пленку кровь поглощает кислород из воздуха, возвращая взамен воздуху вредный углекислый газ.

Таков основной процесс вашего организма, жители Земли. Что же касается ваших земных рыб, то, позвольте заметить, тут маленькая, но существенная разница! Кровь в их жабрах на самом деле соприкасается с постоянно меняющимся потоком воды. Но рыбы не получают кислород из воды каким-то таинственным способом. Вы думали, что из воды? Они получают кислород не из воды, а из воздуха, — из воздуха, растворенного в воде.

Но вы на земле не можете дышать вашей водой по двум причинам. Во-первых, ваши легочные пути слишком малы, чтобы вместить такое тяжелое, я бы сказал, столь мало летучее вещество, как ваша земная вода. Во-вторых, в вашей воде пропорция воздуха недостаточна.

На моем метеоре оба эти условия были иные. Вы спросите, пожалуй, такие ли у меня легкие, как у вас. Думаю, что да, но точно не знаю. После моей смерти вы, жители Земли, узнаете это, так как я завещал мое тело вашим ученым.

Почему это было возможно.

Но я знаю одно: вода на моем метеоре значительно отличалась от той воды, к которой вы привыкли. Я уже говорил, что она была прозрачная и неплотная. Точнее говоря, я считал, что на вашей Земле она имела бы удельный вес не более 0,18, принимая вес вашей воды за 1.

Позвольте объяснить вам это подробнее. Незначительный удельный вес этой воды по сравнению с вашей объясняется, главным образом, большим количеством содержания воздуха в ней. Одним словом, она была сильно насыщена воздухом, больше, чем ваша земная вода; пропорция его доходила до одной одиннадцатой. Поэтому, легким моим необходима была только одна одиннадцатая часть той воды, чтобы получить нужный кислород. На Земле нормальное дыхание у вас бывает различно; в среднем можно считать, что у здорового взрослого человека от шестнадцати до двадцати дыханий в минуту. В той воде я дышал приблизительно восемнадцать раз в минуту.

Не знаю, сколько времени я стоял там под водой с Ноной, пока я понемногу стал приходить в себя. Но постепенно жжение в груди и чувство тяжести на сердце прошли. Мозг мой прояснился. Я с любопытством осмотрелся кругом. Вода была замечательно светлая и прозрачная. Казалось, она была пронизана рассеянным фосфорическим светом.

Мы сделали несколько шагов вперед и еще ниже спустились в воду. Под моими ногами была песчаная почва. Направо и налево скалистые стены подводного туннеля. Передо мной расстилалась водная масса, издали казавшаяся мутной, а невдалеке шел песчаный спуск, похожий на выходящую по холму дорогу.

Все это в неясных, легких контурах. Волосы Ноны расплылись и поднялись вверх. Исчезла свобода движений, к которой мы привыкли на воздухе. Мы были связаны в своих движениях сопротивлением воды. Но это было совершенно непохоже на сопротивление вашей воды. Вернее, это больше

походило на то, что испытываете вы передвигаясь по земле. Часто теперь, когда здесь, на Земле, стоят гнетущие, туманные дни, я вспоминаю об этом ощущении.

Я очень тщательно и подробно описываю все, что я испытал тогда. Скоро вы поймете, почему: вы увидите, что, благодаря этому опыту, нам — мне и Ноне — удалось спасти свою жизнь и начать совершенно новое существование.

Прошло время, предназначенное для сна, и тогда нас застигла врасплох катастрофа на нашем маленьком метеоре.

III.

Мы набрали моллюсков и с трудом вернулись обратно, поднявшись к тому месту, где вода была не глубока. На берегу я лег, кашляя, тяжело дыша и стараясь выпустить из легких оставшуюся там воду и набрать вместо нее воздух. Выйдя из воды, я чувствовал себя хуже, чем когда входил в нее. Нона которой, по-видимому, приходилось уже проделывать это несколько раз, пришла в себя скорее, чем я.

Пока я лежал, едва переводя дыхание, она зажгла огонь. Оба камня, которые она терла друг о друга, мгновенно загорелись тихим, сернистым пламенем; показался небольшой дымок, который разнесло по пещере легким сквозным ветерком. Затем, когда эти камни разгорелись, она подбросила другие, которые стали пылать, как угли.

Мы поели, и я снова улегся на наше ложе, а Нона села около меня. Я дремал, вспоминая о том, что мне только что пришлось пережить и соображал, каким образом доставать побольше такой пищи из воды.

Пожар.

Я проснулся от ощущения гари и дыма. Кашляя, я приподнялся и потянул Нону за волосы, чтобы разбудить ее.

Пещера была полна дыма. Около меня было что-то вроде огненной пропасти. Оттуда шел нестерпимый жар. Я подтолкнул Нону в воздух, подпрыгнул и поплыл за ней.

Мы остановились посреди пещеры, дрожа от страха, смотря на красное огненное чудовище, которое пожирало пол пещеры, образуя в нем пропасть.

Нона забыла потушить огонь после нашего ужина. Скалы пещеры загорелись. Огонь стал пробивать себе дорогу вниз, как это бывает у вас на Земле, когда пламя уничтожает пласты угля, углубляясь в недра земли.

В то время Нона и я не поняли, что происходит. Мы знали только одно, что красное огненное чудовище вырвалось на волю, и мы испугались его. Из берлоги этого чудовища

вытягивались синие и красные огненные языки; даже стоя посреди пещеры, мы задыхались от его пышущего жаром, ядовитого дыхания.

Бездействие мое продолжалось только минуту. Приказав Ноне держаться в стороне, я попробовал бросать комки грязи в небольшое отверстие кратера.

Но грязь не подействовала. Вы говорите, что я мог бы погасить огонь водой? Правда, я мог бы, хотя теперь я думаю, что быстро испаряющаяся, сильно насыщенная воздухом, вода мало помогла бы.

Я не пробовал тушить водой. Я не знал, что огонь и вода — исконные враги. Не знала и Нона. Как мы могли знать это? Разве только случайно мы могли открыть это, но такого случая у нас не было.

Нона закричала, призывая меня, и я оставил свои напрасные попытки. Воздух в пещере становился почти невыносим для дыхания, и по инстинкту, свойственному попавшим в подземную ловушку животным, мы выкарабкались через проход на поверхность метеора.

Была ночь, и серебристый Сатурн заполнял небо. Мы стояли дрожа, и следили за отверстием пещеры, откуда вырывалась теперь струя дыма. Там гибло наше жилище; им овладело огненное чудовище, и мы не могли войти туда и освободить его из огненных красных лап.

Мы так никогда и не вошли больше в пещеру. Дни и ночи быстро сменялись на нашем метеоре, а мы все стояли и следили, беспомощные, за пещерой и за пожаром.

Огонь уже распространился по поверхности. Теперь я понимаю, что он прокладывал себе путь и вниз, и вверх, пока вся окрестность около пещеры не запылала и не стали плавиться одна за другой металлические скалы.

Вся почва вокруг отверстия пещеры провалилась скоро внутрь. На месте пещеры образовался пылающий кратер, бездонная пропасть, откуда вырывались языки грозного пламени с черным дымом, и снизу слышалось шипение пара.

Наконец, мы взлетели вверх, плывя по воздуху над нашим маленьким метеором, пока не нашли убежища на его противоположном полушарии. Там не было следов пожара, не

видно было огня. Мы обрадовались и успокоились. Мы хотели найти другую пещеру, другую реку и заново устроить себе жилище.

Мы оба были голодны. Я поймал ящерицу, и мы съели ее не вареную, ибо оба мы очень боялись снова выпустить на волю чудовище, которое едва не погубило нас.

Затем мы заснули; и когда прошли два коротких дня и две коротких ночи нашего метеора, Сатурн зашел за горизонт, уступая место забрезжившему солнечному свету, мы снова принялись за поиски новой пещеры.

Никакой пещеры мы не могли найти. Но вода там была. Река в несколько сот ярдов шириной выходила из-под земли и широким, неглубоким потоком устремлялась к горизонту. Мы прошли вдоль нее до небольшой группы холмов, где она стремительным течением исчезала в отверстии скалы, углубляясь вниз.

Новое жилище.

Здесь решили мы устроить себе жилище. Вдоль реки росли синие камыши. Нона нарвала их, чтобы высушить и сплести ткани для нашего ложа.

Однажды я полетел посмотреть на пожарище. Я не мог совсем приблизиться к нему, ибо задыхался от дыма. Пожар, казалось, догорал. Тусклое пламя, по временам ярко вспыхивающее, было окутано тяжелым облаком дыма, которое неподвижно висело в тихом воздухе.

Я вернулся к Ноне.

— Огненное чудовище издыхает, — сказал я, — но оно поглотило нашу пещеру.

Оба мы были довольны, что оно издыхает.

Теперь я знаю, что произошло. Огонь стал затихать за недостатком свежего воздуха, чтобы поддержать горение. Если бы был хотя какой-нибудь ветер, я не сомневаюсь, что загорелась бы вся поверхность метеора.

Тем не менее, почти столь же большая опасность угрожала нам, и теперь мы были озабочены тем, чтобы избежать ее. Дымящийся, затухающий огонь все время порождал громадное количество газов. Даже без всякого ветра они сами собою расходились по всей атмосфере метеора; ведь он был так мал, такой тонкий слой воздуха был вокруг него — бесконечно малая часть той воздушной атмосферы, которая окружает вашу Землю.

Вскоре весь воздух был отравлен ядовитыми испарениями полупотухшего пожара.

Целый день мы плохо чувствовали себя. Затем мы стали беспокоиться.

Дым был едва заметен, виден был лишь синеватый туман. Но мы, казалось, задыхались в этом воздухе. То было ядовитое дыхание огненного чудовища, которое старалось отравить нас.

Чтобы спастись от него, мы пытались уйти куда-нибудь. Но мы уже находились на противоположной от него стороне метеора, и по какому бы направлению мы не двинулись, мы неизбежно приблизились бы к нему.

Кроме верхнего направления, мы старались подняться на большую высоту. Воздух там был чище, но реже, и мы не могли бы прожить в нем долгое время. Мы не могли также бесконечно держаться на такой высоте, не говоря уже о том, что не могли же мы там спать и есть.

В отчаянии мы попробовали уплыть с метеора в пространство. Но недостаток годного для дыхания воздуха скоро заставил нас спуститься вниз.

В ту ночь был легкий ветер. Дыхание огненного чудовища донеслось из-за горизонта, и его губительное дуновение повеяло на нас. Мы проснулись, задыхаясь. Был день, и небольшое красно-желтое тусклое солнце было застлано ядовитым туманом, который окутал нас.

Нона плакала. Но вдруг я торжествующе засмеялся, ибо понял, что огненное чудовище не будет в состоянии повредить нам. Мы лежали на берегу реки. Я схватил Нону на руки и, очертя голову, бросил ее в воду. И за нею погрузился сам. Вода в том месте была глубока, — вероятно, футов тридцать глубиной, по вашему земному измерению. Распластав руки, мы, как камни, опустились на дно реки.

IV.

Теперь я дышал водой совершенно нормально. Конечно, после вредного воздуха, от которого мы так долго страдали, вода показалась нам почти облегчением. Руки Ноны обвисли вокруг моей шеи; я разнял их, но она вцепилась в мою руку. Мы оба старались стать прямо.

Дно реки было, по-видимому, песчаное. Но мы не могли удержаться на ногах. В воде было пусто — я хочу сказать этим, что там не было морской растительности — не было ничего, за что мы могли бы уцепиться руками. А сзади течение мягко, но неудержимо уносило нас вперед.

Скоро я убедился, что мы можем нормально плыть в стоячем положении. Мы держались на кончиках пальцев, изредка касаясь земли; нас уносило, как перья, подхвачен-

ные легким ветром. Картина вокруг нас напоминала теперь туманный серый день в какой-нибудь вашей земной пустыне; лучшего сравнения я не могу придумать. Почва представляла собою волнистую поверхность серого песка, с одной стороны поднимающуюся вверх, а спереди с неизменным уклоном вниз. И нас уносило по этому уклону. Вы спрашиваете, почему мы не плыли? Ни мне, ни Ноне, не приходилось еще никогда плавать в воде! Мы были охвачены страхом; мы вцепились друг в друга, стараясь держаться прямо. Очень скоро свет сверху стал слабеть. Вместо него другой свет — рассеянный, присущий самой воде — стал ярче. Нас понесло вперед гораздо быстрее и по значительно более крутому склону. Теперь я знаю, что это произошло потому, что река углубилась в отверстие скалы и превратилась в подземную.

Как далеко увлекло нас, не знаю. Может быть на расстояние одной мили, или больше. Казалось теперь, что скалистые утесы обступили нас со всех сторон; мы очутились как бы в круто спускающемся проходе, и сильнейший ветер гнал нас через него.

Затем, должно быть, мы очутились в конце прохода. Перед нами расстилалось широкое водное пространство. На некотором расстоянии были расположены холмы, а между ними и нами ровное морское дно.

Длинные стволы растений тонкой спиралью тянулись по воде вверх — так высоко, что я не мог видеть их верхушек — уходя корнями вниз, раскинув в высоте ветви, с которых свисали большие воздушные пузыри, — все эти растения плавно покачивались из стороны в сторону. На некоторых из них было нечто такое, что вы, пожалуй, назвали бы фруктами.

Подводное жилище.

Зрелище было странное, но прекрасное и полное мира и покоя. Так вот оно, наше новое убежище, наш новый мир! И насколько он лучше, насколько гостеприимнее того мира,

который мы покинули! Сердце мое наполнилось гордым чувством, когда я, стоя рядом со своей подружкой, обозревал наши новые владения.

Маленькое живое существо, тонкое и длинное, помахивая плоским хвостом, пронеслось прямо мимо нас. Я неловко схватил его, оно вырвалось от меня и поплыло дальше.

На песке под нашими ногами были живые существа в раковинах. Я схватил одну из них, съел и позвал Нону.

Звуки? Здесь, внизу, было очень тихо и покойно, но не совсем так, как на поверхности метеора. Звук моего голоса дошел до Ноны. Конечно, здесь, в воде, звуки разносились очень далеко, хотя несколько заглушенно и неясно.

Насытившись моллюсками, ягодами и фруктами, мы легли с Ноной на песок, и ее волосы расплылись вокруг нас. Мы находились под навесом небольшой группы папоротников, которые раскинулись над нами, как ветви деревьев. Я вцепился ногами в них, чтобы нас как-нибудь не унесло течением, и Нона схватилась за меня.

Тут предполагали мы остаться и устроить себе жилище.

V.

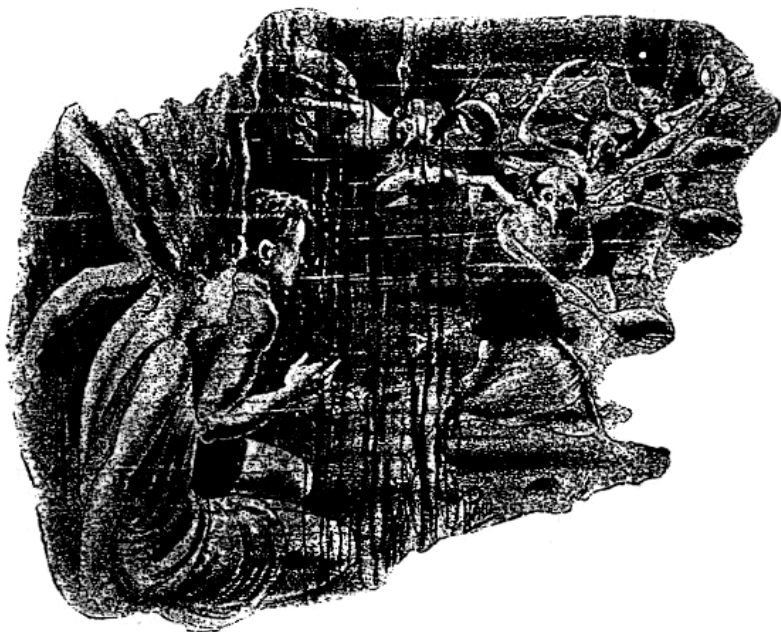
Не знаю, долго ли мы спали. Разбудила меня Нона; она трясла меня за руку и взволнованно шептала мне.

— Что? — спросил я, но она заставила меня замолчать. Она указывала на что-то дрожащей рукой. Я посмотрел, что это такое. На расстоянии, пожалуй, полумили от нас, на песчаных холмах, я различил движущиеся фигуры. Живые существа приближались к нам по морскому дну.

Я быстро вскочил. Живые существа! Я поймаю одно из них, убью, и мы съедим его.

Но когда они стали подходить ближе, я увидел, что каждое из них почти такого же размера, как мы сами, и что было их десять или больше. Я задрожал, и мы с Ноной пятились назад в тростники, чтобы укрыться.

Существа продолжали приближаться. Скоро я увидел, что они держатся прямо, идут по песку, как бы гуляя, медленно, но не останавливаясь. Я думал, что они не видят нас. Нона и я лежали, притаившись, только сердца наши стучали от страха. Скоро существа приблизились настолько, что я мог подробно рассмотреть их. Они, по-видимому, принадлежали к человеческой породе, как и мы, и по общему строению были похожи на нас.

Я тогда же назвал их мариноидами — не все ли равно, какое имя дать им? Самцы — или не лучше ли назвать их мужчинами? — были ростом футов в пять. Тела их были бледно-розовые, гладкие с лоснящейся кожей. Они были одеты в грубую зеленоватую одежду, туго обтягивающую их. У них было по две ноги со ступнями, соединенными болтающейся перепонкой. Грудь у них была чрезмерно широка. У них было четыре руки, по две у каждого плеча. Руки их извивались в воде, как щупальца осьминога. Руки оканчивались

очень длинными и тонкими пальцами с большой клешней, как у краба.

Несмотря на все это, существа эти имели человеческое подобие. Головы у них были круглые и волосатые с двумя глазами, только слегка выпуклыми, с носом и со ртом, немного отличающимся от моего, только большего размера.

Женщины были несколько ниже ростом и более худые, чем мужчины, с длинными черными волосами, которые, расплывшись по воде, все время стояли дыбом.

Группа, приближавшаяся к нам, состояла из десяти существ — из них четыре женщины. Несмотря на их рост, и у мужчин, и у женщин был какой-то странный вид бессилия и хрупкости. Когда я понял это, я перестал бояться их. Глядя на них, мне казалось, что я могу раздавить их руками. Особенно грудь их казалась такой тонкой, она представляла собою раздувающуюся перепонку, которая необычайно быстро расширялась и сокращалась.

Внезапный восторг охватил меня, и я соображал, годятся ли эти существа для еды. Я прошептал об этом Ноне.

— Я могу поймать одного, — тихо сказал я.

— Подожди! — предостерегала она меня.

Мариноиды все продвигались по песку по направлению к нам, медленно ступая, иногда покачиваясь, так как при ходьбе им мешала перепонка, соединявшая их ноги. Руки их болтались вперед и назад. У большинства спины были согнуты и лица обращены вниз, как будто они всматривались в песок.

Должно быть, я слегка шевельнулся. Они заметили нас. Они увидели нас и сразу, по-видимому, насторожились. Мужчины совещались, указывая на нас; женщины слегка укрывались за ними, как бы ища защиты. Я выпрямился, готовясь к нападению, несмотря на предостережение Ноны и на ее попытки удержать меня. Я хотел броситься на них, убить одного и приготовить из него пищу для нас. Это было бы роскошное пиршество — моя Нона была голодна.

Схватка.

Я выскочил вперед, мариноиды встрепенулись, или точнее говоря, вздрогнули. Мужчины крепче уперлись в землю; женщины поднялись вверх по воде, плывя на одном боку, размахивая перепонкой, соединявшей обе ноги, как большим рыбьим хвостом.

Один из мариноидов крикнул что-то. Я ясно мог различить его голос — по-видимому, слова отрывистого приказа. Нона шла за мною, не отступая ни на шаг, готовая помочь мне в схватке:

— Скорей! — крикнул я. — Лови их, Нона!

Напрасно! Мариноиды одним прыжком набросились на нас так быстро, что мы не могли бы вырваться от них, если бы даже попытались. В одно мгновение они оказались над нами; я не успел ничего сделать, как они опрокинули меня на землю и с поразительной для их трехфутовых щупальцев силой охватили меня и стиснули.

Трое мужчин занялись мною, а двое держали Нону. Но они не пытались ранить нас, наоборот, они, казалось, избегали этого. Шестой мариноид — тот, который отдал приказ — быстро нарвал длинные, похожие на веревки, пучки растений. По его приказанию нас подняли на ноги. Женщины спустились на песок и с любопытством рассматривали нас, обмениваясь между собой непонятными для нас словами, но жесты их казались вполне разумными. Наконец, туго связали нам по бокам руки и повели нас по песку. Они вели нас вперед, из широкого песчаного пространства по направлению к дальним холмам.

Женщины плыли над нами; мужчины шли группой, подталкивая меня и Нону. Мы могли бы бежать быстрее их, и один раз вырвались вперед. Но они поплыли за нами и мгновенно поймали нас. И один из них сделал нам предостережение жестом, не оставлявшим никаких сомнений.

Скоро я увидел, чем была занята группа мариноидов прежде, чем встретила нас. Мы случайно прошли мимо больших корзин, по-видимому, сплетенных из морских растений. В

эти корзины они складывали собранные с морского дна раковины и моллюски, затем другие мариноиды убрали их и увозили.

Все это я узнал потом; в то время ни я, ни Нона ничего не понимали.

По мере того, как мы продвигались вперед, вид вокруг нас постепенно менялся. Растительность становилась гуще, пока не превратилась в настоящий лес. И мы, казалось, шли по дороге, по прочищенной тропинке.

Внезапно я услышал крик впереди. Женщины мариноиды, которые плыли над нами, сразу опустились вниз. Предводитель нашей группы что-то сказал, и они все сошли с дороги, таща нас за собой.

Крик впереди стал громче. Что-то показалось издали, двигалось по направлению к нам нечто вроде саней, устроенных из огромной раковины. Повозка эта скользила по песчаной дороге, влекомая каким-то странным плывущим животным.

В санях сидели два мариноида — один высокий, другой ниже. Сани остановились рядом с нами. Тот из седоков, ко-

торый был ниже, встал и громко закричал. И внезапно я понял, что он кричит на меня.

Мариноиды, захватившие нас в плен, лежали ничком на песке и заставили Нону лечь вместе с ними. Но в волнении, — ибо то был вождь их племени — они забыли обо мне.

Я недоумевающе тарашил глаза на сердитое лицо стоящего в санях; и внезапно, разгневанный моей дерзостью, тем, что я продолжаю стоять, не оказывая должного уважения их вождю, он чем-то бросил в меня. Я увидел, как что-то выскочило из его руки, что-то длинное, тонкое и заостренное. Оно пронеслось по воде, как копье по воздуху, и попало мне в голову, нанеся мне легкий удар.

Я упал на песок. Услышал крики около меня — кричала Нона. Затем я лишился чувств и потерял сознание.

Вы прочли мой рассказ о мариноидах — краткий очерк, и только очерк, ибо я старый человек, и память моя полна странными пробелами.

Один из ваших земных поэтов сказал: «Есть многое на свете, что не снилось и мудрецам»*. Как это верно. Вам, дышащим воздухом и живущим на Земле — на одной всего, и притом на мельчайшей планете из биллиона биллионов миров, наполняющих Вселенную, — вам и не снится, что есть где-то другие живые существа.

Я рассказывая вам только простые факты, насколько позволяет мне моя слабеющая человеческая память. Я не жду, что вы поверите мне, — ваша жизнь слишком ограничена, ваш опыт — лишь бесконечно малая черточка обширного плана Природы. И хотя я вовсе не намерен порицать вас за то, что вы так ограничены, но я невольно улыбаюсь, когда думаю, сколько в вас гордости, самоуверенности и самона-

* Шекспир: «Гамлет».

деянности. — «Я не видел этого — я не могу этого понять, — значит этого не может быть».

Я хочу только, чтобы вы усвоили в моем рассказе одно обстоятельство и подумали о нем. Я полагаю, что вы согласитесь с тем, что хотя и у Ноны, и у меня умственная жизнь находилась в то время лишь в зачаточном состоянии, нам был присущ разум, равный вашему.

Позвольте вам заметить, что вы слишком высокого мнения о себе. Все-таки дело обстояло не так, будто я и Нона, разумные, высшие человеческие существа, попали в плен к странным морским животным, — подобно тому, как в ваших водах акулы могут схватить человека. Как раз наоборот. Это мы были низшими человеческими существами; для мариноидов мы были какими-то неведомыми дикарями, вторгшимися в их мир.

Это не теоретическое рассуждение, это — факт. Итак, если при чтении этого рассказа, вы остановитесь и задумаетесь над тем, что, может быть, вы и вам подобные, не имеют всеобъемлющего и первенствующего значения в Природе, то цель моя будет достигнута.

ЧАСТЬ III.

I.

Я продолжаю свой рассказ с того момента, когда прошло четыре или, может быть, пять месяцев (по вашему земному исчислению) после того, как мы с Ноной вступили в мир мариноидов.

Затем наступило великое событие для меня и для Ноны, которое я никогда не забуду. Сейчас вы прочтете о нем, прочтете о последовавшем за ним целом ряде происшествий, воспоминание о которых даже теперь так же волнует меня, как волновали они меня в то время, когда горячая молодая кровь переливалась в моих жилах.

Вы помните, что я свалился без чувств от удара по голове. Когда я пришел в себя, вождь мариноидов уже проехал дальше и существа, полонившие нас, потащили нас вперед.

Наконец, мы пришли в город. Город?— спрашиваете вы. — Город под водой? Почему же нет? Под городом я подразумеваю соединения тесно примыкающих одно к другому человеческих жилищ, где много народу живет близко друг к другу. Разве это не город?

То была столица страны мариноидов. Они называли ее Ракс — резким, немного гортанным, односложным звуком, который я передаю этими четырьмя буквами.

Там мы поселились вместе с руководителем группы мариноидов, которые захватили нас в плен. Там научились мы языку мариноидов, приобщились к их цивилизации, приобрели друзей и врагов, надеялись, боялись и отчаивались. Я уже рассказывал вам, что мы только начали создавать свой собственный разговорный язык. Теперь мы полностью переняли язык мариноидов и через несколько месяцев настолько усвоили его, что могли выражать на нем все наши желания и стремления. Чтобы вы могли понять это, я снова напомним вам, что умственно мы созрели, но не были

развиты. Мы воспринимали все, как слишком рано созревшие дети.

Более того, это общение с другими существами, обладавшими такой же способностью мышления, как и мы, способствовало быстрому подъему нашему над тем умственным уровнем, которым мы обладали. Мы научились одному величайшему, отличительному признаку цивилизации — обману. Но я благодарю судьбу, что мы сохранили еще простоту мысли и непосредственность природы, которую так или иначе, по-видимому, утрачивают в так называемом цивилизованном мире.

Жизнь в столице мариноидов.

Вы хотите, чтобы я нарисовал вам картину нашего пребывания у мариноидов к концу этих месяцев. Мы устроились в жилище почти на дне и на самом краю города Ракс. Дно города! Что за странное выражение! Позвольте мне объяснить вам.

Здесь, на земле, вы живете в мире, который вы называете миром трех измерений — длины, ширины и высоты. Вы считаете, что ваши тела и все материальные объекты имеют три измерения. Совершенно верно. Но вы живете на поверхности шара. Большею частью, за некоторыми исключениями, конечно, ваши действия ограничиваются только двумя измерениями. Ваши птицы в этом отношении одарены большими способностями, они двигаются во всех направлениях. Рыбы ваши также.

Рыбы! Теперь вы поймете, о чем я говорю. В подводной стране мариноидов движение в вертикальном направлении происходит так же естественно, как и в горизонтальном. Вот почему я говорю о дне города, так как Ракс был такого же большого размера в вертикальном направлении, как в длину и ширину.

Город, как я себе представляю, имел грубые очертания круга около четверти мили в длину и почти столько же в

ширину. Он был похож на огромный, широкий, низкий цилиндр, установленный на своем основании.

Город этот создан из морских растений. Огромные стволы поднимались с песчаного, покрытого тиной, водяного дна, подобно густому лесу деревьев, и росли, поднимаясь ввысь на тысячу или более футов. Широкие, похожие на листья, ветви покрывали их вершины, причем воздушные пузыри в воде поддерживали их в прямом положении.

Эти прямолинейные стволы являлись вертикальными балками, на которых были возведены постройки города. На восемьсот футов вверх с них были удалены ветви. Вьющиеся вокруг вертикальных стволов паразитные растения были отведены в сторону таким образом, чтобы соединять их. Поверх них сплетены другие канатообразные растения. В результате получился ряд ярусов, отстоящих футов на двадцать друг от друга — один над другим — всего от вершины до дна города сорок рядов.

Затем ярусы были разделены на отделения, которые служили жилищами. Одно из них я теперь опишу подробно, именно то, которое было предоставлено мне и Ноне в то время, когда случилось великое происшествие в нашей жизни.

Через весь город проходили, на известном расстоянии друг от друга, и вертикальные, и горизонтальные улицы, по которым внизу, наверху, поперек плавали и собирались жители. И местами были там кубические площади, нечто вроде парка трех измерений. Одна из них, самая большая, занимала центр города; около нее находилось жилище вождя.

Достаточно ли ясно я объяснил? Материалом, из которого был выстроен город, дома его, похожие на медовые соты, с настоящими стенами и комнатами, служили живые, цветущие морские растения. Они росли быстро. Их рост легко было направить в желательную сторону. В течение трети человеческой жизни, не дольше, может вырасти такой город.

Были ли это растения одного и того же вида? Нет, казалось, что там сотня разновидностей — и каждая имела

особое значение и употребление. Это было очень интересно. У вас, в ваших великих земных океанах, есть морская растительность. Вы можете себе представить, какой вид они имели. Главные стволы были твердые, гладкие, несколько тонкие, но ноздреватые — вроде стволов ваших банановых деревьев. Листья их переплетались и были красиво раскинуты; повсюду росли миллионы тонких стручков.

Когда я впервые увидел город Ракс, я был, помню, поражен искусством его архитектуры. Но скоро я стал восхищаться еще большему искусству, с которым поддерживалось и сохранялось его внутреннее строение. Главные стволы мало изменялись с годами. Но было необходимо тщательно следить за всеми деталями, постоянно удалять, перемещать, вырывать с корнем, вновь сажать растения. Самые стены человеческого жилища были разнообразного вида. Однако, каждый из жителей нес ответственность за свое жилище, выполнял связанные с этим обязанности, и поэтому город содержался в полном порядке.

Над городом были раскинуты громадные ветви главных стволов — темно-зеленые, волнующиеся, кружевные, как листья огромного папоротника, с сотнями стручков вдвое большего размера, чем человеческое тело, которые представляли собою воздушные пузыри, поддерживавшие весь город.

Вечная тишина.

Я говорил уже, что вода была невозмутима. Здесь, внизу, не слышно было журчания, кроме вызываемого движениями самих подводных существ. Природа застыла в вечном покое. Никогда не менялись полусумерки; температура оставалась всегда одной и той же; ни бури, ни звуки внешнего мира не нарушали покоя и тишины.

Таков был город Ракс — весь красиво сплетенный из тонких волокон. Город, который я мог бы снести с его основания и разрушить, изрубив одной из ваших земных сабель.

И вам предстоит услышать, как однажды я сделал нечто подобное с таким же городом. Правда, я не разрушил его, а только... Но сначала я должен рассказать вам, что случилось до появления Боя, нашего мальчика, нашего малютки, сына, которого родила от меня Нона.

II.

Вначале мы жили в доме Каана, руководителя полонившей нас группы Мариноидов. На его обязанности лежало собирать раковины со дна на площадях города.

Приходится все это кратко описывать вам: так много мне еще нужно рассказать. Сначала мы были предметом всеобщего любопытства в городе Мариноидов. Но относились они к нам доброжелательно, а когда мы научились их языку, они гостеприимно приняли нас в свою среду. Мы немного могли им рассказать о себе, о внешнем мире, где дышат воздухом, о метеоре, о небесах, о великой вселенной, бесконечно малую часть которой все мы составляем, но и этого они не могли понять. Но Мариноиды не насмехались над нами, — я обращаю на это внимание, вы, жители Земли! Однако, они не были слишком легковверными. Их вождь послал за мной, задавал мне тысячи остроумных вопросов и старался добиться, правдивы ли мои рассказы.

Теперь я уверен, что именно благодаря знанию вещей, о которых они никогда не мечтали, я занял выдающееся положение среди Мариноидов. Благодаря этому и еще благодаря моей физической храбрости, которую мне пришлось в очень скором времени проявить.

Ввиду всего этого, я стал пользоваться большим влиянием в Раксе. Через несколько месяцев вождь стал часто совещаться со мной.

Когда родился Бой, они предоставили нам отдельное жилище в полное наше распоряжение. Каан очень хорошо относился к нам; мы считали его одним из наших лучших

друзей. Он плавал по городу со мной и с Ноной, помогая нам выбрать жилище из числа пустовавших.

Можете вы представить себе, как мы совершали такое путешествие? Горизонтальные улицы были похожи на квадратные туннели в двадцать футов шириною и столько же вышиною; снизу и сверху — гирлянды сплетенной, заботливо подчищенной, темно-зеленой растительности; по бокам — ряды домов. В домах были окна и двери с передвижными ширмами из растений.

Улицы были освещены искусственным светом. Вне города, в открытых водных пространствах, вода была сама по себе настолько светла, что казалась озаренной сумеречным светом.

Но в самом городе, прикрытом со всех сторон растительностью, могло быть слишком темно и потому неудобно жить. Вдоль улиц через определенные промежутки были протянуты поперечные перекладины из ползучих растений. С них свисали огромные стручки, вероятно, величиною в полчеловека. Стручки представляли собою воздушные пузыри, оболочка которых была чрезвычайно тонка и просвечивала. От этих стручков, висевших, как фонари, исходил зеленовато-серебристый свет. Он расходился книзу лучами, освещавшими насквозь всю водную улицу; тени мариноидов, проплывающих мимо него, казались странными, чудовищными.

Вам интересно будет знать, что это был за свет. Собирали в открытых водных пространствах маленькие, самосветящиеся организмы и сотнями помещали их в стручки с просвечивающей оболочкой. Подобные организмы вызывают

«фосфоресценцию» в тропических морях вашей Земли. Только там они были большего размера, крупнее ваших светящихся червячков.

Домашняя жизнь мариноидов.

Мы медленно плыли вдоль улиц. Мы встречали мариноидов, которые, направляясь по своим делам, проплывали мимо нас. Из окон или с порога дверей голые дети смотрели на нас большими любопытными глазами. На одной из горизонтальных улиц с более нарядными двухэтажными домами в углу маленького балкона сидела женщина и кормила своего грудного ребенка. Около нее двое старших детей играли блестящими опаловыми раковинами.

Мы свернули вверх, на вертикальную улицу. Там фонари были прикреплены к стенам домов. Дома стояли один над другим, каждый состоял из одного только низкого, сильно вытянувшегося в длину, этажа. Ноне они не понравились; один из них был свободен, и Каан предложил его Ноне, но она решительно отказалась. Я не мог высказать своего мнения; все казались мне подходящими и одинаковыми.

Мы плыли вверх и вскоре достигли центральной площади. Там находился дом вождя. Со всех четырех сторон и сверху окружало его открытое водное пространство. Главные столбы строения поднимались вверх над ним с красиво развевающимися листьями, мельчайшие стручки которых светились как сотни прозрачных китайских фонариков; под ними, на крыше дома, был расположен сад. Там росли небольшие растения, блестящие белые раковины образовывали узоры, на почве из черной тины произрастало что-то блестящее и красное, похожее на цветы. Перила крыши были окаймлены рядом маленьких освещенных стручков.

Строение было вышиною не более пятидесяти футов. Оно имело и горизонтальные, и вертикальные балконы и широкую горизонтальную дверь наверху — дверь, сделанную

из блестящих радужных раковин, соединенных вместе с помощью глины и того клейкого вещества, которое мариноиды добывают из какого-то растения. На небольшой площадке около двери помещалась повозка из раковин, в которую было запряжено морское животное; тут же ждал возница; в этой повозке я и увидел впервые вождя при встрече с ним.

Это был великолепный дом. Нона и я проплыли мимо него, жадно осматривая его. Но сердце мое сжалось, ибо я знал, что теперь, после того как Нона увидела его, нам будет еще более трудно выбрать себе подходящий для нас скромный, маленький дом.

Наступало уже время ложиться спать, когда Нона, наконец, нашла то, что ей нравилось. Она выбрала двухэтажный дом на перекрестке горизонтальной и вертикальной улиц. В нем была одна комната наверху и две внизу — вы назвали бы их маленькими комнатами, так как размером они были не больше пятнадцати кубических футов.

Но наверху дома был небольшой горизонтальный балкон. Нона могла бы лежать на нем и смотреть на проплывающих мимо мариноидов. И Каан рассказал нам, что по этим улицам обыкновенно проезжает вождь, когда вместе со своими спутниками отлучается из города. Я думаю, что благодаря именно балкону, Нона выбрала этот дом. Мне же нравилось, что мы будем жить очень близко от Каана.

В нашей спальне были скамьи вдоль стен, покрытые мягкой, эластичной грудой растений вроде матраца — эту светло-зеленую растительность вы назвали бы губкой. В середине комнаты стояла большая красивая раковина, вроде стола; было окно, выходившее на балкон и на улицу с лиственной развевающейся шторой, которую можно было задернуть.

Вентиляция.

Мы оставляли окно открытым для вентиляции. Вентиляция? — удивляетесь вы. — Вентиляция в водяном городе? Конечно! У вас самые простые рыбы погибли бы без притока свежей воды. Мы обыкновенно вдыхали воздух, растворенный в воде, и нам постоянно была необходима свежая вода с новым притоком воздуха.

По прошествии времени, предназначенного для сна, весь город «вентирировался». Приплывали животные — лоснящиеся, блестящие, темные существа со скользкими телами, похожие на мокрых тюленей — и проталкивали сквозь улицу нечто вроде щита. Щит был большого размера и

заполнял почти всю улицу. Продвигая его, они прогоняли старую воду, а новая вода набиралась в город с другой стороны.

Я описал бы вам подробнее устройство нашего дома, но мне так много еще остается рассказать, что я принужден сокращать свой рассказ. В нижних комнатах у нас были круглые раковины для сиденья и место, где мы могли хранить и готовить пищу. Каждая комната была освещена фонарем, который можно было прикрывать

колпаком из зеленого мха, чтобы комната погрузилась в темноту.

Нона была довольна нашим домом и тотчас начала строить сотни планов, как еще улучшить его. Все было в порядке, но нужно было много работать, подчищая и пересаживая растения. И вот однажды, когда мы только что проснулись и были заняты дома своими делами, Ог явился повидаться с нами. Вернее говоря, он пришел повидать

Нону, так как я к нему относился недружелюбно. Его приход был непосредственной причиной того, что я вынужден был проявить свою физическую силу, о чем я уже упоминал.

У меня было два поединка с Огом. В первый раз это была замечательная рукопашная схватка перед домом вождя, которая привлекла к себе внимание всего города. К рассказу о ней я и перехожу теперь.

III.

Он стоял у входной двери нашего дома, разговаривая с Ноной. Это был молодой человек приблизительно моего возраста. Потом я узнал, что он не чистокровный мариноид, — но об этом я расскажу дальше. Он был немного выше Ноны, но ниже меня. Ноги его с перепончатыми конечностями были обнажены немного выше колен. От колен до плеч на нем была одета, по принятому у мариноидов обычаю, только одна одежда из зеленой плетеной травы. На выпуклой груди он носил украшение: плоскую, круглую вещь из маленьких, соединенных вместе раковин. Он шевелил своими четырьмя, похожими на щупальца, руками. Густые, но короткие волосы на голове были у него заплетены. По временам он своей клешней расчесывал их, желая этим грациозным жестом произвести впечатление на Нону.

Лицо Ога, хотя черты его не очень отличались от моих, за исключением более широкого рта и слегка выпуклых глаз, было, однако, очень неприятно. У него был слабо очерченный подбородок и самодовольное выражение лица, но больше всего мне не нравилась его манера смотреть на Нону.

Мне ли было ревновать к такому странному существу, как этот мариноид! Если вы так думаете, вы очень заблуждаетесь. Мы жили в стране мариноидов, и в этом мире толь-

ко Нона и я имели странный вид. Мы явились уклонением от нормы, а не они!

Для меня Нона с ее развевающимися волосами, в короткой серовато-зеленой одежде, принятой у мариноидов, была самым прекрасным созданием на земле. Но, как заметил нам Каан, наши глаза — у меня и Ноны — были посажены слишком глубоко, чтобы ими было удобно видеть по сторонам. Наши рты были слишком малы, чтобы как следует вбирать в себя воду, и грудь у нас была также слишком мала и неподвижна, чтобы надлежащим образом приспособиться к плаванию. Две руки наши могли сгибаться только в одном направлении, что, конечно, не давало таких преимуществ, как мариноидам их четыре руки; а с нашими ногами без перепончатых соединений мы всегда оставались бы очень посредственными пловцами. Все это было до того, как я показал, свою мускульную силу; вскоре Каан изменил свое мнение.

Оскорбление.

Я избегал Ога. Его бессознательно влекло к Ноне, несмотря на физическое несходство. Теперь я знаю почему. Он не был чистокровным мариноидом и потому не искал подруги среди их женщин, а когда появилась Нона, он почувствовал влечение к ней.

Тогда я еще не знал этого, но чувствовал. И Нона тоже боялась Ога, хотя наружно не выказывала этого.

Я находился в другой комнате, когда Ог пришел к нам, в наш новый дом. Он стоял и разговаривал с Ноной. И вдруг я услышал ее крик. Я быстро нырнул во внутреннюю дверь. Они поднялись почти к самому потолку, и Нона отбивалась от него, а он смеялся.

Я бросился на него, но он ускользнул от меня, и, прежде чем мне удалось схватить его, появился Каан и остановил меня.

Нона кричала. Каан удерживал меня. Кулачная распра-

ва считалась тяжким преступлением в Раксе. Я мог пожаловаться на Ога суду и требовать его наказания, но не имел права лично расправляться с ним. Однако Ог, нагло самоуверенный, сделал то, чего я ожидал. Он подплыл ко мне и слегка ударил меня по лицу своей верхней левой рукой. Он вызвал меня на публичный поединок.

Каан взял на себя все приготовления. Мы должны были драться по истечении ближайшего времени, предназначенного для сна, на площади перед домом вождя. Вождь во главе особого трибунала должен был с крыши своего дома наблюдать за поединком и постановить приговор.

Нона очень боялась; она плакала весь день. Каан уговаривал нас спать на этот раз в его доме, где жена его (я употребляю слово: жена, хотя оно неприменимо здесь) могла бы позаботиться о Ноне.

Поединок должен был состояться без употребления какого бы то ни было оружия и, несмотря на страх Ноны, я не принимал его всерьез. Вспомните, что мне было только двадцать лет, а юность слепо уверена в себе. Но Каан был очень серьезно настроен. Тогда я не знал, что предполагался смертельный поединок. Этого хотел Ог, и весь город был взволнован этим.

В тот вечер Каан был расстроен, был очень любезен со мной и внимателен. Один раз он обратился ко мне с вопросом относительно моих приемов борьбы. Молодость так безумна. Я смеялся над ним. — Я стисну его руками раньше, чем он успеет прикоснуться ко мне, — хвастливо сказал я. — Но не будем говорить об этом теперь, друг мой Каан. Это пугает мою Нону.

Он сразу замолчал. По-видимому, он хотел сообщить мне нечто важное. Но после моих слов он, вероятно, подумал, что мне это известно. Мариноиды по натуре сдержанны; они не любят оказывать на вас давления, они предлагают, но не настаивают том, чтобы вы поступали так, а не иначе.

Я совершенно не знал, что именно пугало его; иначе я, должно быть, ждал бы поединка с тревогой, а может быть и со страхом.

Нона не хотела присутствовать при поединке.

Поединок.

Площадь представляла собою блестящую, оживленную арену. Освещенные воздушные пузыри свисали с балконов дома вождя и с листьев в саду на крыше. Повсюду, сверху, снизу, со всех четырех сторон водяного куба рядами висели яркие же фонари, так что вода, в которой нам предстояло бороться, была вся залита ослепительным, зеленоватым светом.

На крыше, за рядом фонарей, находился вождь и приблизительно десять мариноидов, членов трибунала; фонари были затенены, что напоминало рампу в наших театрах.

Вокруг дарены, фасадом к дому вождя, было расположено несколько домов с балконами, где жили наиболее уважаемые мариноиды. Огни у них были тоже затенены, и только иногда лучи их скользили по воде. Балконы были переполнены мариноидами, мужчинами и женщинами.

Вокруг площади на перекрестках всех улиц столпились остальные мариноиды; сотня или больше лежали внизу, устремив взгляд вверх, а наверху толпа других уцепилась за верхнюю изгородь или разместилась в листве, наблюдая за тем, что происходит внизу.

Сани вождя были убраны с платформы; на их месте стояла стража, чтобы не подпускать никого близко к месту поединка. Когда я с Кааном прибыли, Ог один плавал около центра площади, обнаженный до самой поясницы; он медленно перебирал ногами, размахивая четырьмя руками, как бы стараясь удержаться в равновесии. Все глаза были устремлены на него. Он самоуверенно, криво улыбался, как человек, готовый к поединку, ждущий своего противника.

Раздались возгласы, когда Каан и я проталкивались сквозь толпу. Каан взял от меня верхнюю одежду и, сказав мне несколько прочувствованных, ободряющих слов, удалился. Я проследил за тем, как он поплыл вверх и присоединился к группе, окружавшей вождя.

Толпа затихла, вода была беззвучна, — и вот внезапно Ог обратился ко мне с насмешливым, вызывающим окриком.

От гнева молодая кровь закипела во мне. Я не чувствовал страха; я жалел только, что не было Ноны, и она не может увидеть, как я буду бороться с Огом.

Медленно поднялся я вверх по воде навстречу Огу. Но в эту минуту жена вождя, находившаяся рядом со своим мужем на крыше, позвала меня, и я подплыл туда, остановившись невдалеке.

— Я надеюсь, что ты окажешься победителем, — сказала она достаточно громко, чтобы слова ее были услышаны всеми. — Ты плохо приспособлен к борьбе, но право на твоей стороне.

Так выразила она мне свою симпатию, ибо Ог не пользовался популярностью в Раксе.

— Иди, я желаю тебе успеха, — приветливым жестом она отпустила меня.

Я поплыл обратно, сердце мое радостно билось, а вдогонку мне раздался крик сына вождя — юноши моего возраста, который уже, кажется, проникся любовью ко мне:

— Нэмо, не давай ему возможности схватить тебя одновременно за голову и за ноги.

— Нет, — ответил я, — не дам. Благодарю тебя.

Я медленно поплыл обратно навстречу Огу. Я не понимал, о чем говорит сын вождя, но следовал его совету, пока только мог, но в разгаре поединка, как вы увидите, забыл об этом. Ог уже был настороже и ждал меня. Руки его и ноги перестали двигаться; тело напряглось, он медленно опускался вниз. Я устремился за ним, и не более десяти футов отделяло нас друг от друга. Я удивлялся, что он не нападает на меня, и ждал этого, чтобы схватить его за грудь и стиснуть изо всей силы.

Напряженная тишина была в ярко освещенной воде; мы опустились почти до дна площади. Без всякого предупреждения, я согнулся, нырнул вперед и бросился на Ога так стремительно, насколько у меня хватало силы.

IV.

Я был хорошим пловцом; на вашей Земле среди людей нет таких. Но скоро убедился, что мне не сравняться с Огом. Он увернулся от моего первого нападения. Тело его с вытянутыми по бокам руками проскользнуло между моими руками. Розовой полоской промелькнуло оно вверх по освещенной воде.

Я бросился за ним. Он носился в листве, почти над головой вождя, поджидая меня. Презрительная улыбка на лице его взбесила меня. Как только я приблизился к нему, он повернул в другую сторону и снова нырнул, но я схватил его за ногу, когда он проносился мимо меня.

Из толпы слышались крики, когда мы барахтались, и вода бурлила вокруг нас. Я старался повернуться и охватить руками тело Ога. Но он снова ускользнул. Я знал, что, если бы мне удалось как-нибудь стиснуть его, то я мог бы раздавить его. Он, по-видимому, тоже знал это.

Я все держал его за ногу, и он не пытался вырваться. Он, по-видимому, готовился к чему-то. Теперь он с трудом плыл вниз, шевеля руками, но не ногами. Таким образом, наши

тела образовали странную прямую линию, и было похоже на то, как будто одна лодка тащит на буксире другую. Затем Ог резко повернулся кругом. Я все еще держал его, и его тело, изогнувшись, как арка, оказалось над моим. Благодаря этому движению, голова его оказалась у моих ног. Он протянул руку, стараясь схватить меня за ногу, но это ему не удалось.

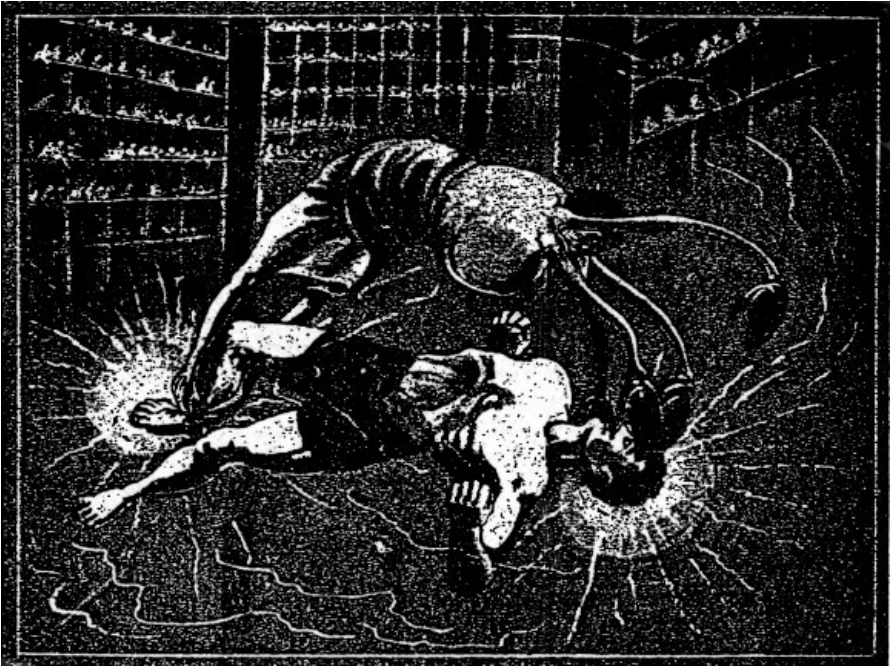
Я услышал смешанный крик ужаса и облегчения, вырвавшийся у толпы. Теперь я был над Огом. От этих вращательных движений я пришел в замешательство. То дно площади было над моей головой, то мелькали стороны и верхушки.

Он снова попытался схватить меня за ногу, и я, чувствуя какую-то неясную еще для меня опасность, быстро выпустил его и уплыл. Он не стал гнаться за мной, но перевернулся несколько раз и затем выплыл к центру площади. Я плавал в верхней листе и усиленно дышал. Грудь моя, казалось, была сдавлена. Я физически не в состоянии был безболезненно выдержать такое напряжение. Избытка кислорода, в котором нуждалась моя кровь, легкие мои не могли получить из воды. Мне следовало, наконец, схватить и стиснуть Ога.

Теперь некоторые из зрителей осыпали меня насмешками. Они думали, что первая схватка напугала меня, и я боюсь уже своего соперника.

Боюсь? Действительно, я начинал бояться. Я стиснул зубы, повернулся и вниз головой снова нырнул по направлению к Огу. Изогнувшись всем телом, он спокойно стоял, готовый к бою.

В десяти футах от него, я сразу остановился. Лицом друг к другу, мы постепенно погружались вниз. Один раз он двинулся вперед и протянул руку, чтобы схватить меня. Но я быстро нырнул в сторону. Мы были около дна площади, как вдруг Ог поднял все четыре руки над своей головой. Тело его изогнулось вперед, наподобие полумесяца. Казалось, это был благоприятный для меня момент. Я кинулся на него. Он отступил, и когда я новым движением выпрямился, тело его, как дуга, изогнулось надо мной. Одной но-

гой он коснулся моей ноги, и одновременно пальцами ударил меня по голове.

Одно мгновение я почувствовал, что его прикосновение как бы обожгло меня. Я вздрогнул от резкого толчка. Затем я потерял сознание, и мое неподвижное, безжизненное тело медленно погрузилось на дно площади.

V.

Я очнулся, и звуки нескольких голосов неясно донеслись до меня. Я не открывал глаз и лежал неподвижно, как бы в полудремоте, вспоминая поединок и думая, не умер ли я, может быть. Я припоминаю теперь, какие смутные мысли пронеслись в моей голове. Сначала я был один на метеоре, затем встретил людей, узнал, что такое цивилизация. С людьми и с цивилизацией пришло несчастье, пришла борьба. Однако, я нашел здесь не только врагов, но и друзей: Каана и сына вождя. Они предостерегали меня против Ога. И любовь я тоже обрел здесь. Нона!

Мысль о Ноне так подействовала на меня, что я совершенно пришел в себя. Голоса вокруг меня стали яснее и громче. Я открыл глаза. Я лежал на скамье в доме Каана. Около меня находились Каан и старый, сгорбленный мариноид, на обязанности которого было, как я знал, лечить человеческое тело и заботиться о нем, когда оно заболевает. Нона сидела на скамье около меня; ее прекрасные золотистые волосы развевались над нами. Лицо ее застыло и было бледно. Увидев, как я шевельнулся и открыл глаза, она разразилась рыданиями. Я протянул руки и привлек ее к себе. Моя Нона! И Каан!

Мой друг Каан сильно обрадовался, увидев, что я ожил.

Старый мариноид успокоил Каана по поводу моего состояния и ушел. Нона лежала в моих объятиях. Сын вождя прислал узнать, пришел ли я в себя. Теперь счастье мое было безгранично.

Когда я очнулся, то давно уже наступило ближайшее после поединка время, предназначенное для сна, и все это время Нона и Каан находились около меня. По-видимому, больших повреждений у меня не было. Скоро я окреп настолько, что мог разговаривать с ними и узнал, что такое Ог сделал со мной.

Это оказалось просто, и когда я понял это, я содрогнулся при мысли о той опасности, которой я так безрассудно и так глупо подвергал себя. Ог привел меня в бессознательное состояние током животного электричества. Тела всех взрослых мужчин-мариноидов имеют специальные органы, которые порождают электрический ток. Он может быть пущен в любое время, и его можно всецело по своей воле регулировать.

Я вспомнил, как Ог всячески ухитрялся заставить меня принять прямое положение, чтобы удар достиг наибольшей силы. Его тело изогнулось дугою над моим; он одновременно коснулся моих конечностей своими, и ток, пройдя через все мое тело, едва не остановил биение моего сердца.

Каан думал, что я знаю это и буду настороже. Мои слова заставили его предполагать это, ибо я отказался говорить с ним о поединке. И сын вождя хотел предупредить меня об этом. Я, конечно, слышал об этом естественном оружии, которым обладают мариноиды. Но по моей юношеской доверчивости забыл об этом, ибо пользоваться этим оружием считалось по законам мариноидов тяжким преступлением и разрешалось это только в публичных смертельных поединках.

Электрический угорь.

Вы удивлены и, может быть, не верите этому физиологическому явлению. Напрасно, ибо у вас на Земле встречаются совершенно такие же явления. Конечно, только невежда решится бессмысленно не верить этому. В ваших водах, как вам известно, если вы только изучали подобные явле-

ния, водится электрический угорь. Ваши ученые называют его «*gymnotus electricus*». Он применяет по отношению к своим врагам ту же тактику, какую Ог применил ко мне. И с совершенно таким же результатом, ибо он может убить или оглушить рыбу большого размера, чем он сам. Многие из неосведомленных простых рыбаков испытали это на себе, ловя рыбу в маленьких речках, впадающих в реку Ориноко. Могу привести еще в качестве примера электрических скатов, целое семейство рыб, обладающих такими же свойствами, среди них так называемые «торпедо» (*torpedo marmorata*). На них ваш ученый Гальвани изучал электрические свойства мускулов и нервов, применяя свои открытия к высшим животным и к человеку.

Скоро я совершенно пришел в себя, обогащенный опытом, с большими познаниями, чем раньше. И я дал себе клятву, что никогда вообще не буду пренебрегать советами друга.

Первым моим желанием было снова сразиться с Огом. Зная теперь, чего следует остерегаться, я был уверен, что могу одолеть его. Я отправился к тому месту, где он жил, но его там не было. Известие о том, что я хочу нового поединка — это было мое право — распространилось по городу. Ог, несомненно, думал, что я убит; когда я ожил и стал искать его, нигде нельзя было его найти. Прошло следующее время сна, и я узнал, что он оставил город Ракс. Сборщики раковин и моллюсков, работавшие под руководством Каана, сообщили, что видели, как он плыл по направлению к области Дикой Воды.

Он не вернулся обратно. Область, известная под названием Дикой Воды, была местом его рождения, как говорили, и единственные родственные связи были у него именно там, среди полудиких существ, населявших эту область.

Я был доволен. С исчезновением Ога — мой второй поединок с ним пришлось, конечно, отложить на долгое время — ничто в Раксе не нарушало моего с Ноной счастья. У нас было жилище, был сын, и мы любили друг друга.

VI.

Я уверен, что с вас довольно. Позвольте остановиться на этом. Может быть, вам немного надоело то, что я вам рассказываю. Я старый человек, и вы, жители Земли, говорите, что я люблю поучать. Это огорчает меня. Как вы знаете, я не могу терпеливо разговаривать с людьми, которые ничего другого не знают и не умеют, как только насмеяться, и уверяю вас, что я рассказываю вам события моей прежней жизни только потому, что вы просите меня об этом, и я думаю, что вам будет полезно прочесть о них.

Поучение? Из всего можно извлечь поучение. И если вы хотя кое-что примените к своей собственной жизни, вы окажетесь в выигрыше.

ЧАСТЬ IV и последняя.

I.

Снова возвращаюсь в своих воспоминаниях к тому году жизни нашей в подводном городе мариноидов — Раксе, году покоя и мира, которыми наслаждались мы с Ноной после рожденья нашего сына. Мы назвали его Боем; все называли его так — это был единственный ребенок в нашем мире, принадлежавший к человеческому роду.

Это было изумительное, счастливое время для нас обоих. Во всей вселенной не было ничего подобного нашему Бою. Так думали мы с Ноной. Розовый, белый, с голубыми смеющимися глазками, лежал он, как в колыбели, в большой белой раковине, стоявшей посредине комнаты, в которой мы жили. Игрушками служили ему кусочки растений, то и дело проплывавшие в воде над ним, он хватал их и рвал, а Нона, кормившая его, напевала ему песенки, а когда ему минуло месяц или два, стала учить своего младенца плавательным движениям; это было главным событием и постоянным занятием в его детской жизни. Что касается меня, то я часто отлучался от них, и для меня было достаточно видеть, как они играют вместе, видеть в глазах Ноны выражение материнского чувства и гордость на лице ее.

Так проходило время, и здесь, под водой, оно не отмечалось даже сменой дневного света и темноты; для нас мелькавшие дни знаменовывались только тем, что Бой становился выше ростом, члены тела его удлинялись, голова твердо держалась на шее, он научился плавать и скоро начал говорить.

Таким образом, счастливый человек может совершенно забыть об окружающем мире. Но не следует думать, что мы жили в полном уединении. Мы часто бывали в доме Каана, и хорошо проводили время в кругу его семьи, — Бой

лежал тут же и спал, а мы, остальные, развлекались игрой в раковины. Временами я охотился вместе с сыном вождя. Я, по-видимому, нравился ему, и, должен признаться, что дружба его очень радовала меня, и я гордился ею. Имя его было Этар и он был большим спортсменом. Иногда мы с ним и с небольшой компанией друзей отправлялись на охоту, плывя по направлению к Области Дикой Воды, за скалы, окружавшие владения мариноидов, куда изредка заплывали странные, чудовищные существа.

Откуда брал я средства к существованию? Ну, конечно, я работал, как и все остальные в этом городе. В Раксе не было места для бездельников. И мы с Ноной жили в городе в качестве гостей только первые два месяца. Как только нам предоставили отдельное жилище, я тотчас был назначен на работу вместе с Кааном. После каждого Времени Сна мы с корзинками уплывали в леса, окружавшие город. На дне их мы собирали раковины. Они непрерывно падали с поверхности воды на дно, и все, что мы набирали, складывалось потом и увозилось в Ракс, в правительственные склады. Жена Каана работала с нами, ибо даже замужние женщины обязаны были часть своего времени посвящать общественной работе. После рождения Боя Нона также часто присоединялась к нам, хотя это и не было обязательно, так как забота о грудных младенцах освобождала женщину от необходимости исполнять другую работу.

Память моя сохранила много интересного, и многое мог бы я рассказать о своеобразной цивилизации мариноидов. Но вы привыкли жить таким ускоренным темпом, что если я не буду применяться к вашим требованиям, вам надоест слушать меня. Вы все хотите понять с одного взгляда, все хотите узнать сразу, — ну, что ж, извольте.

Прежде всего позвольте вам рассказать, что в течение этого мирного года произошел ряд таинственных происшествий, крайне тяжелых. Главным виновником всех этих зловещих происшествий, одно за другим нарушавших покой нашего города, был, как оказалось, неожиданно исчезнувший Ог... Каждый случай сам по себе казался сравнительно незначительным. Однако все они вместе были частью

общего разрушительного плана, который грозно, как невидимый меч, повис над нами. Наконец, опасность непосредственно надвинулась на нас.

Но нельзя ли сначала попросить вас уделить мне еще минуту, пока я дам краткое описание условий жизни в мире мариноидов? Я знаю, вы будете недовольны. Тысяча обязанностей, которые накладывает на вас сверх-цивилизованная жизнь и которые кажутся вам спешными, отрывают вас даже в часы отдыха. Отложите их в сторону, прошу вас. Они совсем не так важны, как вы думаете. Если бы вы умерли сегодня ночью, оставив все их невыполненными, ваш мир продолжал бы так же спокойно двигаться вперед, как и раньше.

Итак, еще минуту, и вы будете удовлетворены — перед вами развернутся события, в которых будет много действия и движения.

II.

Область, населенная мариноидами, представляла собою водное пространство, окруженное со всех сторон каменистыми скалами. Вода эта находилась под землей, — этим я хочу сказать, что, поднимаясь вверх по ней, можно было добраться до каменистого потолка. Ракс был расположен почти в центре этого подземного моря. Каковы были его размеры, я не могу сказать. Все измерения, все способы сравнения утрачены для меня. В том месте, где находился Ракс, море было глубиною футов в двести или больше, считая от дна до потолка, т. е. вдвое или втрое превышало глубину самого города. Сколько проходов вело к нам из внешнего мира, — не знаю. По одному из них вошли мы с Ноной, когда Каан со своей группой встретил нас впервые. Для мариноидов, которые не занимались исследованиями, было недоступно представление о п о в е р х н о с т и воды. Они не могли постигнуть этого; когда я пытался объяснить им это, они не могли понять меня.

Около Ракса было расположено несколько городов мариноидов, но подобного по размерам — не было ни одного. Не правильнее ли было бы назвать население этих городов деревенским? В обширных лесах попадались жилища мариноидов, отдельные хижины из морской травы, как птичьи гнезда, прилепившиеся к покачивающимся ветвям деревьев. А в открытых пространствах воды, в различных местах жили в огромных раковинах предприимчивые семьи с склонностью к приключениям; они или выскабливали живое мясо из раковин, или устраивались в норах, вырытых в насыпях черного ила.

Границы владений мариноидов представляли собою почти перпендикулярные скалы — темные остроконечные глыбы, местами покрытые черной глиной, затем искусственные насыпи из черных, белых и красных кораллов, или плетень из липких растений. Скалы, как пчелиные соты, были усеяны пещерообразными углублениями. В таком же роде была и верхняя граница владений мариноидов, которую я назову потолком.

Одна из границ — почти противоположная тому месту, откуда мы с Ноной вошли в этот подводный мир — была несколько иная. Там скалы поднимались почти до трехсот футов. И потолок здесь тоже был выше, так что между ними и потолком оставалось неприкрытое отверстие, футов в сто или более вышиной, и, по крайней мере, в одну милю ширины. Это было жуткое место. Нижняя поверхность, казалось, шла скатом вниз и была покрыта липким густым илом; вода там была черная, и вредное, зловонное испарение, казалось, исходило от нее.

То был проход в другую область неведомых размеров — в Область Дикой Воды, как называли ее мариноиды. Что там могло быть, — никто не мог сказать. Некоторые проникали туда на небольшое расстояние и, возвращаясь обратно, рассказывали страшные истории, которым никто не верил. Другие отправлялись туда, и уже никогда не возвращались.

Но тому, что эта область была населена полудикими существами, верили все. Говорили, что Ог родом оттуда; теперь,

когда он добровольно, как гласила молва, переселился туда, все были в этом уверены.

Иногда странные животные заплывали к нам из Области Дикой Воды. Однажды приплыло морское чудовище. Но это было в давно прошедшие времена и вспоминали об этом, как о легендарном событии. Чудовище едва не истребило все племя Мариноидов, но после отчаянной борьбы им удалось изгнать его.

Вот каковы были условия нашей жизни в Раксе.

А теперь я готов рассказать вам о целом ряде происшествий, которые привели нас к сознанию, что нам угрожает страшная опасность. Вначале они лично меня не затрагивали, и потому я мало обращал на них внимания. Так бывает и в вашей жизни, не правда ли? Вскоре несчастье обрушилось и на мой дом. О, это было уже совсем другое дело! Насколько более философски относимся мы к несчастью наших друзей, чем к своему собственному!

III.

Первое из этих происшествий случилось в Раксе, когда Бою было два месяца. Исчезла молодая девушка, дочь одного из Мариноидов, работавшего в группе Каана. Она была немного моложе Ноны. Была она очень красива в том смысле, как понимали красоту Мариноиды. Вам все эти Мариноиды должны были бы показаться нелепыми, может быть, даже нечеловеческими существами. Но не существует одного повсеместно признанного образца красоты — это понятие условное. Мы восхищаемся только себе подобными. У вас жители Занзибара думают, что их чернокожие красавицы с толстыми губами — самые прекрасные женщины на земле. И, как я вам уже говорил, в мире Мариноидов образцом красоты были их женщины, а не Нона. Нона была исключением, ненормальным явлением. Она слишком отличалась от женщин-Мариноидов. Та девушка, которая исчезла, принадлежала к работницам одной из групп, при-

численных к Каану, занятых собиранием питательных раковин на дне моря. Она отделилась от других, а когда пришло время возвращаться в Ракс, ее не оказалось. Мы думали, что она почувствовала себя больной и ушла домой.

Но и дома ее не было, нигде в городе не могли ее найти. Большого интереса это происшествие не вызывало, разве только взволновало ее собственную семью. Решили, что какой-нибудь молодой мариноид взял ее в жены. Согласно обычаю, пары могли свободно скрываться от всех на некоторое время, уходить в леса, чтобы временно отдохнуть от работы и жить там, пока пройдет первый период их любви.

Однако, оказалось, что все молодые люди налицо, а девушка все не возвращалась. Происшествие это так и было бы забыто, но вскоре исчезла еще одна молодая девушка.

За тот год пропало таким образом около тридцати девушек. И не все они принадлежали к тем, которые работали за городом. Мы давно уже перестали брать с собой женщин, отправляясь на работу за город; и женщины, жившие в лесах и в насыпях ила, поспешили укрыться в Раксе и в других ближайших городах.

В самом скором времени мы совершенно достоверно узнали, что наших женщин похищают. Произошел один поразительный случай, после которого мы все ясно поняли.

Дело было в полночь, — как назвали бы это время вы, — когда город спал. Я и Каан по одному, данному нам позднему поручению, плыли по одной из вертикальных улиц. Место было пустынное; улица была безлюдна; по временам фонари на стенах домов бросали на воду зеленый, рассеянный свет, похожий на свет в густом тумане у вас, на Земле. Повсюду была сонная тишина, прерываемая только всплесками воды, когда проплыли мы с Кааном. Окна вдоль улицы были большею частью открыты. Внимание наше привлекла зеленая фигура невдалеке от нас на горизонтальной улице. Она походила на мужчину, закутанного в зеленую ткань из морских водорослей. Он заметил нас, кинулся к ближайшему уличному фонарю и что-то набросил на него. Свет затмился; все вокруг было окутано тенью.

Каан и я встревожились и остановились как раз на перекрестке улиц, так что могли наблюдать по двум направлениям. Фонари там находились на отдаленных углах. Очень близко от нас послышался тихий, но отчетливый крик. Это был сигнал! Другие фигуры пронеслись вдали по воде и потушили фонари. Вся улица погрузилась в темноту. Каан и я с криком вихрем понеслись вниз. Из окна одного из домов, увидели мы, выплывает оцепеневшее тело женщины. Было достаточно светло, чтобы мы могли разглядеть ее бледное лицо и руки — женщина была без сознания, и, как мы позже узнали, похититель привел ее в бесчувственное состояние током животного электричества.

Тело ее выплывало из окна, как бы подталкиваемое сзади. В темноте ее схватили фигуры, закутанные в зеленое, они казались какими-то пятнами в темной воде, схватили и быстро потащили ее прочь.

Мы с Кааном бросились за ними. Наши крики разбудили город. Из домов слышались голоса, беспорядочные возгласы. Показались фигуры; улица за нами была охвачена тревогой.

Тело женщины, влекомое почти невидимыми похитителями, быстро уплывало. От быстрого продвижения белые полосы сильно насыщенной воздухом воды расходились в виде цифры V.

Но мы с Кааном, не стесненные никакой ношей, могли плыть скорее. Мы настигли захватчиков. В темноте произошла борьба. Электрический ток прошел по мне, но я оправился. Каан кричал в страшном гневе, нанося удары зеленым фигурам, напавшим на него.

Вся вода вокруг нас покрылась белой пеной. Вдруг на нас упал свет из ближайшего окна, и кругом стало светло. Я увидел, что тот, в кого я вцепился, был Ог!

— Ты!

Но мой голос, по-видимому, придал ему бешеную силу. Он вырвался от меня и укрылся в тени.

Уже торжествуя кричал Каан. Он разогнал своих противников. Белое тело женщины, никем не поддерживаемое, опустилось на дно улицы. Мы спустились к ней и стали растирать ей шею и руки, пока она не пришла в себя.

Улица снова осветилась. Напуганные жители покинули дома, и толпа собралась вокруг нас, забрасывая беспорядочными тревожными вопросами. А Ог со всей шайкой успел скрыться.

Когда час спустя я вернулся домой, Бой лежал в своей белой раковине, которая служила ему колыбелью, и громко кричал. А Нона — моя Нона — исчезла!

IV.

Наступили для меня дни ужаса и отчаяния. Но, казалось, только я и Каан относимся к этому несчастью более болезненно и остро, чем ко всем предшествовавшим.

Было решено охранять наших женщин, тщательно сторожить проход в Область Дикой Воды, чтобы ни одно существо, человекоподобное или дикое, не могло пробраться во владения Мариноидов.

Таково было мнение и настроение всего города; и вождь обратился с крыши своего дома к народу с речью, в которой красноречиво уверял нас, что опасность теперь миновала, что грабители из Области Дикой Воды не могут теперь

пробраться к нам, ибо мы настороже и остановим их. Он, вождь наш, уверяет нас в этом. Отныне наши женщины в безопасности. Будь около меня Нона, живая и невредимая, я, несомненно, приветствовал бы такие речи и уверения, как это сделало большинство слушателей. Но Ноны не было со мной. Она исчезла и скрыта в этой ужасной неведомой Области, откуда никто не возвращался. Вождь сказал, что женщины мариноидов в безопасности! Но что мне до того, когда Нона моя пропала? Зашла речь о том, чтобы отправить экспедицию в Область Дикой Воды. Но охотников не было, кроме тех сравнительно немногих мариноидов, которые потеряли своих жен и дочерей. Каан не покидал меня, он пошел бы со мной, а для меня не было бы ни сна, ни пищи, если бы я решил остаться в Раксе, предоставив Нону ее судьбе.

Пригодного искусственного оружия в Раксе не было, кроме одного — тонкого охотничьего копьа, сделанного из рыбьей кости — таким копьем поверг меня на землю спутник вождя, когда меня впервые вели в Ракс. Такие копьа брали мы с собой, когда отправлялись с сыном вождя на охоту.

В давно прошедшие времена у мариноидов было и другого рода оружие. Но однажды — с того времени прошел срок, равный длительной человеческой жизни — однажды гражданская война разразилась между двумя городами мариноидов; а когда она окончилась, все оружие, кроме простых копий, было предано уничтожению. Казалось, оружие ни на что не нужно. В самом деле, мариноиды не вели дикого образа жизни. О чудовище, которое появилось когда-то, чтобы уничтожить их, сохранились лишь старинные легенды. И так жили они в той ложной, кажущейся безопасности безоружного народа, при которой они были беззащитны, и не могли бы даже бороться, если бы окружавшие их враги трудового народа напали на них; они упустили из виду, что пока в остальном, враждебном им мире, существует вооруженный неприятель, самая их беззащитность является для их врагов непреодолимым соблазном к нападению!

Мы организовали небольшой спасательный отряд. Вместе со мною и Кааном нас было не больше пятидесяти человек; заботы о Бое на время нашего отсутствия взяла на себя жена Каана. Затем, совершенно неожиданно, сын вождя выразил желание присоединиться к нам, и мы избрали его руководителем нашего отряда. Это была большая радость для нас, ибо сын вождя пользовался большой популярностью среди нас.

Этар — мы подружились и звали друг друга по имени — был моложе меня. Это был стройный юноша с открытым лицом, с детской улыбкой, но с решительным взглядом. Каан был уже человек немолодой, руки его уже не были так гибки, как у юноши, но тело у него было крепкое и сильное. Я чувствовал, что с помощью таких двух спутников, я в состоянии одержать победу над любыми чудовищами, какие бы ни попались нам навстречу, и отбить от них Нону.

Когда наш отряд был почти в сборе, Этар заявил нам, что мы можем совершить ошибку. Нас всего пятьдесят, и мы все, в сущности, невооружены. А чтобы пробраться куда-нибудь тайком, — отряд наш слишком многочисленен: на нас могут напасть уже потому, что нас слишком много, и мы будем иметь слишком вызывающий вид.

План Этара вкратце заключался в том, чтобы мне, ему и Каану незаметно пробраться в Область Дикой Воды и разведать, что там происходит. Затем, может быть, незамеченные и избегнув столкновения, мы могли бы вернуться и организовать экспедицию с большими силами — достаточно крупными для того, чтобы быть уверенными в успехе.

Мое единственное желание было отправиться за Ноной и вернуть ее, и, конечно, слова сына вождя показались мне разумными. Но и со всех точек зрения Этар был прав, и, таким образом, было решено, что мы отправимся только троим.

Я никогда не забуду сцены прощанья Этара с матерью на крыше их дома. Все были уверены, что мы идем на верную смерть. Мы уйдем, и они никогда уже не увидят нас и не услышат о нас. Но в выражениях чувств у Мариноидов не было ничего героического. Ни криков, ни приветствий, как

это принято, когда герои отправляются в бой. Это присуще вам, истинно цивилизованным людям, это вы обставляете начало войны пустыми и тщеславными церемониями. Мариноиды столпились на каждом углу водной площади перед домом вождя, и молча ждали, пока мы готовились к отправлению. И стало еще тише, когда мать вождя просталась с сыном.

— Прощай, Этар, — сказала она; взгляд ее обратился также ко мне и к Каану.

— Мы будем ждать и надеяться, что вы вернетесь.

Она коснулась руками его гладкой головы и ушла. Мы отправились; и когда мы медленно плыли вдоль улицы между двумя молчаливыми, торжественными рядами зрителей, удаляясь из города, в памяти нашей запечатлевалась ее мужественная и мудрая улыбка.

И вот с тревожно бьющимися сердцами приблизились мы трое, вооруженные тонкими копьями, к тому ужасному черному проходу, за которым начиналась Область Дикой Воды.

V.

Плывя группой, мы вошли в проход. Это была совершенно новая местность для нас. Даже в наших охотничьих экспедициях мы никогда не заходили так далеко, как теперь; мы всегда оставались в пределах вод мариноидов. По мере того, как мы продвигались вперед, скалистый потолок опускался все ниже над нашими головами, пока, наконец, расстояние между ним к дном стало не более, чем вдвое длиннее наших тел.

С обеих сторон и дальше, насколько только мы могли различить в темноте, простиралась черная вода. Затем мы стали спускаться вниз под углом приблизительно в сорок пять градусов.

Мы проплыли расстояние, которое вы, вероятно, назвали бы одной милей, и вдруг оказались перед заграждением

из кораллов, которое поднималось со дна до потолка. Я назвал это вещество кораллами, но это, должно быть, были окаменевшие растения. И эта совершенно непроницаемая чаща — белая, как покрытые снегом кустарники зимой у вас, на севере, казалось, преграждала нам дорогу дальше. Мы остановились, посоветовались и поплыли налево и направо. Но заграждение простиралось по обе стороны до самых краев широкого прохода.

— Вот это, — сказал Этар, — охраняет нашу область от вторжения чудовищ. Сквозь такое заграждение им нелегко пробраться. — Он с улыбкой посмотрел на меня и на Каана. — Благодаря этому заграждению мы, вероятно, находимся в безопасности.

Каан продвинулся в чащу, и вскоре мы обнаружили, что можем, хотя и с трудом, пробить себе дорогу.

Слова Этара одновременно успокоили и встревожили нас. Если никакие существа в мире не в состоянии пройти сквозь эту преграду, то что же может быть по ту сторону ее?

Каан, старший и более уравновешенный, чем Этар и я, не тратил времени на подобные размышления.

— Поплывем дальше, — сказал он, — здесь мы можем пробраться.

Белая чаща, вероятно, простиралась на несколько сот футов в глубину и в ширину. Мы втиснулись в чащу, отыскивая небольшие лазейки, отодвигая в сторону ветви или ломая их, так как они были очень хрупки.

Час или дольше пробивались мы сквозь эту чащу. То тут, то там попадались нам маленькие, похожие на бутылку, рыбы с выпученными, шарообразными глазами по обеим сторонам головы. Они с любопытством наблюдали за нами, без страха, казалось, почти злобно посматривали на нас со стороны и, не спеша, обходили нас. Но мы мало обращали на них внимания, ибо часто встречали их в водах мариноидов и их легко убивали нашими копьями.

Белая преграда достигла, наконец, открытого водного пространства, снова увидели мы дно и потолок близко одно от другого — такую же узкую расщелину, резко наклоненную вниз. За белой чашей вода оказалась темнее, настоль-

ко темной, что мы едва могли различить друг друга на коротком расстоянии. Стало также теплее, даже неприятно тепло; и ноздри наши ощутили теперь уже, несомненно, зловоние.

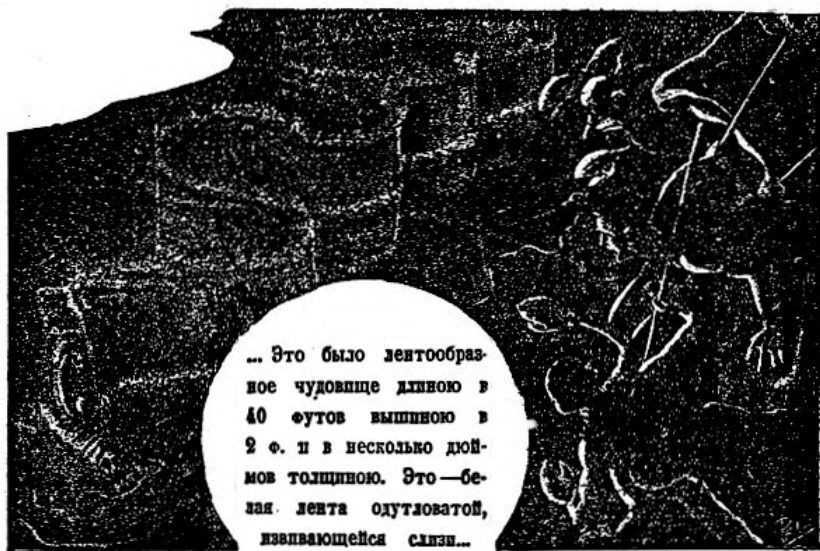
Мы плыли вниз, казалось, бесконечно долго, как вдруг дно под нами как бы опустилось, резко оборвалось. Одновременно потолок стал уходить в вышину и скрылся в водном мраке. Мы очутились посреди расстилавшегося перед нами черного, как чернила, водного пространства. Оно было, вероятно, беспредельно, ибо границ его мы не видели. Безграничное и пустое водное пространство! Сплошной мрак, но тот притаившийся мрак, который, кажется, не пуст, а что-то скрывает в себе.

— Мы должны спускаться вниз, — сказал Этар. Чувствовалось, что он старается придать уверенность своему голосу. — Они, должно быть, живут внизу, на самом дне моря.

Мы спустились вдоль перпендикулярного склона внезапно прервавшегося дна. На тысячу футов вниз? На три тысячи футов? Не могу сказать. Вода становилась все теплее, пока, наконец, жар ее не стал мучительным для нас. Мне внезапно пришла в голову мысль, что мы находимся в самых недрах моего метеора; огонь, бывший внутри него, был теперь, вероятно, близко от нас и нагревал воду. Мой метеор? Каким далеким мне казался теперь потусторонний мир — внешняя поверхность метеора, небеса, Сатурн, звезды и огромное неизмеримое пространство звездной вселенной! Там где-то родился я. Впервые подобное воспоминание пронеслось в моем уме.

— Смотрите, — тихо окликнул нас Каан.

Мы все прижались к черной поверхности склона. Глубоко под нами двигалась сверкающая точка света. Казалось, она в нескольких милях от нас; но в действительности она появилась не больше, чем в двадцати, тридцати метрах, и когда она приблизилась, то мы увидели, что это длинное, извивающееся существо со светящейся головой, — голова его излучала фосфорический, бледно-зеленый цвет.

... Это было лентообразное чудовище длиною в 40 футов вышиною в 2 ф. и в несколько дюймов толщиной. Это — белая лента одутловатой, извивающейся слизи...

Мы затаили дыхание. Спокойно, казалось, не замечая нас, существо проплыло дальше. Это было лентообразное чудовище длиною в сорок футов, вышиною в два фута и не больше нескольких дюймов толщиной. Это — белая лента одутловатой слизи, висящая лохмотьями по краям, которая извивалась из одного конца в другой. Минуту спустя существо это исчезло в той чернильной глубине, откуда оно появилось.

Мы снова стали спускаться вниз. Мимо нас проплывали другие существа — безголовые, облепленные светящимися паразитами; большие рыбы в виде звезды с блестящей зеленой головой посреди тела, причем каждый угол звезды был величиною с наше тело; были ли это рыбы или другие животные? Но головы, по-видимому, у них были. Так как ни одно из чудовищ, казалось, не замечало нас, то мы приободрились. Но вот появился шар из белой слизи, из какого-то студенистого вещества. Плыл он от нас очень близко и по размеру был больше любого из нас. Он казался совершенно безвредным, и Этар поплыл рядом с ним. Тогда внезапно чудовище расширилось, потеряло свою форму и

окутало его подобно облаку белого тумана. Он закричал, и мы бросились к нему на помощь.

Мгновенно дикий ужас обуял нас, ужас, который я не в состоянии передать вам словами. Это почти невесомое вещество, похожее на густой, белый клей, вязкое и липкое, б о р о л о с ь с нами! Боролось, говорю я, ибо, нападая на нас, оно проявляло разум! Мы барахтались, яростно били по воде руками и ногами. Противная вонь, распространявшаяся от клейкого вещества, вызывала у нас тошноту; от прикосновения к нему у нас мороз пробежал по коже и что-то подступало к горлу. Существо это было невероятно легкое. Мы рвали его на куски, разбрасывали, но они постоянно возвращались назад и снова соединялись вместе. У этого существа был разум! Не сконцентрированная в одном месте сила разума, а некий инстинкт борьбы, который, по-видимому, был присущ каждой мельчайшей частице этого чудовища.

Наконец, мы вырвались от него. Каким образом, — не знаю. Возможно, что мы утомили его. И когда мы отбились от него, измученные ужасными, клейкими частицами, которые, попадая при дыхании в грудь, давили нам на легкие — мы увидели, как оно уплыло, растерзанное, но все же сохраняя почти правильную прежнюю форму шара.

Наконец, мы достигли дна. Оно было не ровное, а развороченное, холмистое, как будто там произошел геологический переворот. Валы черного ила футов в сто высоту были испещрены дырами, как пчелиные соты; между ними — долины, покрытые сталактитами из черных и белых кораллов, которые торчали вверх, как остроконечные копыя, преграждая путь заплывшим туда существам. Были там миниатюрные, похожие на вулканы, конусообразные сопки. Из одной лился поток почти горячей воды.

Теперь уже часто попадались нам светящиеся точки; все это были головы и тела плавающих там животных, наделенные природой способностью светиться. Они двигались вокруг лениво, уверенно, не обращая на нас внимания; и мы знали, что, будь они голодны, они могут проглотить любое из подобных им животных, только меньшего размера, или же одного из нас.

Мы плыли на расстоянии около пятидесяти футов от этого изрытого, холмистого морского дна, по которому иногда перебегал из одной темной норы в другую, еще более темную, гигантский краб или нечто подобное. С нами не было света; тела наши были укутаны в зелено-черные ткани. Мы все еще держали в руках копьё — жалкую, ничтожную и бесполезную вещь! Они могут оказаться полезными, как сказал Этар, разве только для защиты от человекоподобных существ. Больше всего мы опасались именно их, наделенных большим разумом. Теперь мы начинали понимать, какова жизнь в этой Области Дикой Воды. Чудовища, населявшие ее, большею частью безобидны, поскольку дело не касается удовлетворения голода. Они поедают друг друга, и таким образом количество их все уменьшается. В открытой борьбе с ними человекообразные существа оказались бы, несомненно, беспомощными. Но у человекоподобных есть разум, есть способность ускользать, спасаться, а чудовища эти лишены способности преследования.

Вам это кажется непонятным, неестественным? Уверяю вас, что вы не правы. В Области Дикой Воды, в недрах одного из метеоров в кольце Сатурна, оказались почти такие же условия жизни, которые существовали в раннем периоде истории вашей Земли. Нет и никогда не было существа, более дикого, жестокого и хищного, чем сам человек. Львы и тигры у вас боязливы, пока они не чувствуют голода или страха. Дикие животные на вашей Земле были бы рады жить в мире с человеческим родом. Нападение всегда исходит от человека.

— Посмотрите туда, — тихо произнес Каан, — может быть, это и есть место, где живут человекоподобные существа?

На некотором расстоянии под нами видны были ряды крошечных светящихся точек. И при словах Каана какая-то человеческая фигура проплыла мимо нас вниз, быстро и пугливо. Производило впечатление, что в вытянутой руке она держит нечто вроде фонаря — маленькую прикрытую светящуюся точку, которая помогала ей ориентироваться в темноте. Она не заметила нас, и мгновение спустя скрылась в темноте внизу. Но мы продолжали видеть движущуюся точку света.

— Поплыдем, — шепотом заторопил нас Каан. — По этой точке мы найдем дорогу. Торопитесь!

Мы поплыли вниз, следуя за светящейся точкой.

VI.

Светящаяся точка перед нами мелькала, как блуждающий огонек, среди коралловых веток и тенистых холмов, иногда исчезая, вероятно, за телами встречных животных. Мы были уже совершенно близко от самого дна. Вдоль него шли волнистые насыпи из ила; это было красиво, и на них росли странные, изогнутые растения. Светящаяся точка отстояла от нас не больше, чем на несколько сот шагов; в отблеске ее мы различали иногда контуры человеческой фигуры, которая поддерживала этот источник света. Мы не решались теперь громко говорить и плыли так быстро и бесшумно, как это могут делать только те, кто живет в воде.

Вскоре светящаяся точка опустилась вниз и исчезла. Мы заметили, как фигура, за которой мы следовали, поплыла в черное отверстие пещеры и скрылась в проходе, который шел по диагонали вниз в холме из липкой глины. И мы увидели также, что привлекавшие раньше наше внимание неподвижные световые точки являются отражением освещения где-то под морским дном.

Бесшумно скользнули мы в пещеру. Движущаяся светящаяся точка вновь появилась там перед нами и затем внезапно снова исчезла.

— Подождите, — шепнул Каан. — Плывите медленнее.

Мы осторожно продвигались вперед и снова дошли до коралловой изгороди, которая преградила нам дорогу. Но это неожиданное ограждение оказалось искусственным. Это была грубо сделанная дверь, плод человеческого разума и труда — она ограждала диких существ от вторжения. Нам удалось пробраться через нее. Любое из морских чудовищ могло бы сбить это ограждение, если бы оно создало, какой силой оно обладает. Но такое сознание дано только человеку.

За ограждением показался тусклый отблеск рассеянного зеленого света. Мы осторожно продвигались вперед, завернули за угол, оказались вдруг у стены и остановились, затаив дыхание, с сильно бьющимся сердцем.

Мы смотрели вниз, стоя почти у потолка пещеры. Наполняющая ее вода была пронизана бледно-зеленым колеблющимся сиянием, которое придавало всему призрачный вид. Пещера была почти круглая, шириною футов в сто и неглубокая, тоже футов сто от пола до потолка. Противоположная от нас стена была ясно видна. В ней рядами и ярусами были выдолблены ниши с небольшими выступами, похожие на ваши древние, самые примитивные пещеры в скалах. На некоторых из этих выступов, увидели мы, сидели на корточках небольшие семьи, человекоподобные существа, похожие на мариноидов — мужчины, женщины и дети.

Но не это заставляло так бешено биться наши сердца. В это время как раз на полу пещеры столпились человекоподобные фигуры. И та фигура, за которой следовали мы, спустилась вниз и присоединилась к ним. На дне пещеры возвышалась платформа — насыпь из ила — и несколько стариков сидело на ней. То не были мариноиды, но отличались они от них, главным образом, глазами, большими по размеру и более выпуклыми, и бледной, призрачной белозной одутловатых тел.

На той же платформе стоял Ог! Он смотрел на стоящую перед ним толпу народа и произносил перед нею речь. Голос его дошел до нас, и мы слышали слова, не такие, ка-

кие были в языке мариноидов, но похожие на них настолько, что мы понимали их.

Все это мы увидели сразу. И самое важное, самое поразительное: на той же платформе между Огом и белым стариком стояла на коленях, с привязанными по бокам ру-

ками, моя Нона! Моя Нона, прекрасная, как всегда, розовая, с голубыми глазами и золотистыми волосами, такая яркая среди этих бледных, призрачных существ! И она была невредима, и не пала духом, — я увидел это по блеску ее

глаз, по тому презрительному, твердому взгляду, который она бросала на обращенные к ней одутловатые, белые лица.
Моя Нона!

VII.

Не надоел ли я вам, читатель? Может быть, вы такой же старый, гордый человек, как и я, который не хочет никому навязывать своих речей. Возможно, что вы догадаетесь, какие приключения произошли со мной в дальнейшем в этом мрачном и своеобразном мире. И какое, в конце концов, вам дело до них, до их дальнейшего развития! Для меня это славные воспоминания о подвигах моей юности, а старость, как вы знаете, живет воспоминаниями.

А для вас какое значение имеют мои воспоминания? Они могут послужить поводом для насмешек и шуток!

Может быть, я чрезмерно мнителен. Возможно, что я несправедлив по отношению к вам. Некоторые из вас серьезно и настойчиво просили меня рассказать им о моем прошлом, это очень лестно, и я благодарю их за это. Я буду продолжать свой рассказ, если вы, действительно, хотите этого, расскажу вам как можно лучше полную, истинную правду о моей странной, загадочной жизни. Или же, если вы предпочитаете, я окончу здесь свой рассказ, затаю все в своем сердце и наедине переживу вновь все мое прошлое.

Слово за вами, решайте вы.

О РЭЕ КАММИНГСЕ И ЕГО КНИГЕ

В свое время Рэя (Рэймонда Кинга) Каммингса называли «воскресшим Жюлем Верном» и «новым Гербертом Уэллсом», и был он одним из некоронованных королей американской pulp-фантастики. «Писательский успех настиг м-ра Каммингса со скоростью метеора: за несколько лет он вошел в число самых популярных в мире авторов научной фантастики» – восторгался в февралю 1930 г. еженедельник *Argosy-Allstory Weekly**.

Сведения о «долитературной» жизни Каммингса весьма скудны, а сам писатель, похоже, и в этом случае охотно предавался полету воображения. Основываясь на его рассказах, биографы сообщают, что родился Каммингс в 1887 г. в состоятельной нью-йоркской семье, затем перебрался с родными в Пуэрто-Рико, где его отец и братья выращивали и экспортировали апельсины, после, опять-таки с семьей, отправился в Вайоминг на поиски нефти, искал также золото в Британской Колумбии, сплавливал лес по северным рекам, а в 16 лет поступил в Принстон и за три месяца усвоил университетский курс физики... В 1914-1919 гг. Каммингс работал в компании великого изобретателя Томаса Эдисона: не то редактировал бюллетени для служащих, не то сортировал граммофонные записи. Точно известно, что Каммингс «дослужился» до написания рекламных аннотаций к граммофонным пластинкам и что в компании его явно ценили: он стал чуть ли не единственным из множества безвестных авторов таких аннотаций, завоевавшим право подписывать их своим именем.

* *Argosy-Allstory Weekly*. 1930. February 8. № 210.

Успех и впрямь пришел к Каммингсу молниеносно – с публикацией в 1919 г. рассказа «Девушка в золотом атоме» (The Girl in the Golden Atom) в журнале All-Story. Многие исследователи и любители научной фантастики утверждают, что первый рассказ Каммингса так и остался его лучшим произведением. Стилистически и композиционно молодой писатель следовал за Уэллсом, идею же заимствовал из очень известного рассказа Фитца Джеймса О'Брайена (1828-1862) «Алмазная линза»*. Как и герой О'Брайена в капле воды, Химик у Каммингса обнаруживает миниатюрную девушку в атоме материнского обручального кольца и влюбляется в нее. Но тут-то и начинаются отличия: если у О'Брайена кашля испаряется и девушка гибнет – герой Каммингса изобретает чудодейственное уменьшающее средство и устремляется на поиски возлюбленной... Ненадолго вернувшись в макромир и поведав друзьям о своих атомарных приключениях, Химик навсегда исчезает в глубинах атома, и только золотое кольцо в витрине музея Американского общества биологических исследований напоминает о его существовании.

За успешным рассказом последовали и продолжения – «Народ золотого атома» (The People of the Golden Atom, 1920), «Принцесса атома» (Princess of the Atom, 1929) и др. Журнальные рассказы и повести Каммингс нередко расширял и превращал в романы; некоторые из них принято объединять в цикл «Материя, пространство и время» – сюда входят произведения о мире атома, «Люди огня» (The Fire People, 1922), истории о путешествиях во времени: «Человек, овладевший временем» (The Man Who Mastered Time, 1924, 1929), «Девушка-тень» (The Shadow Girl, 1929), «Изгнанник времени» (The Exile of Time, 1931). Пользовалась известностью дилогия о похищенной меркурианскими искателями невест девушке Таме и ее приключениях на Меркурии – «Тама из Светлой страны» (Tama of the Light Country, 1930) и «Тама – принцесса Меркурия» (Tama, Princess of Mercury, 1931), романы «Лунные разбойники» (Brigands of the Moon, 1930), «Девушка моря» (The Sea Girl, 1931), «Вандл-завоеватель» (Wandl, the Invader, 1932) и пр. Перечислить все произведения Каммингса нет никакой возможности – под собственным именем и такими псевдонимами, как Рэй Кинг, Габриэлла Каммингс и Габриэль Виль-

* См. Mullen R. D. Two Early Works by Ray Cummings: «The Fire People» and «Around the Universe» // Science Fiction Studies. 1999, № 78 (Vol. 26, Part 2).

сон он опубликовал их более 750; по подсчетам библиографов, свыше 130, включая два десятка романов и повестей, относятся к научной фантастике и фэнтэзи.

В 1920-1930-е гг. Каммингс как фантаст прочно занимал третье место по популярности после Э. Р. Берроуза и А. Меррита*; но уже в сороковых годах писатель, стоявший у истоков «пульп-фантастики» и оставшийся приверженцем всех ее безнадежно устаревших канонов, казался анахронизмом. Времена эти вспоминает Ф. Пол, который в 1940 г. стал редактором журналов фантастики «Astonishing Stories» и «Super Science Stories»:

«Я быстро выяснил, что хорошие рассказы и рассказы хорошо оплаченные – это вовсе не обязательно одно и то же. Моим личным наставником по этой дисциплине был Великий Старец по имени Рэй Каммингс. Он был высок, худощав, носил древние жесткие воротнички вместо галстука и казался мне невообразимо старым <..>

Я очень уважал Каммингса как писателя. Великим он не был никогда, однако он добился довольно широкой известности и его специальностью была фантастика. Уже сам его “послужной список” впечатлял, – в молодости он успел даже поработать с Томасом Эдисоном, – да и человеком он был приятным в общении. Но вот кем он не был, так это поставщиком хороших рассказов. Не думаю, что талант его пропал, скорее, Рэю он просто стал не нужен. Каммингс по-прежнему был равнодушен к фантастике, но творчество рассматривал лишь как способ зарабатывать на жизнь, и его пишущая машинка почти не отдыхала. Он писал все, что можно было продать, и для него не было никакой разницы, в каком жанре это написано. Еще до того, как я пришел работать в “Popular”, он продал им кучу детективов и рассказов ужасов, которые публиковались под несколькими псевдонимами.

Когда я приступил к работе в компании и Рэй узнал, что я – настоящий фэн, на его улице настал праздник. Он не только мог вернуться в фантастику, но быстро понял, что я для него – настоящая дойная корова. Я не представлял, как можно отказаться брать рассказ у такого известного писателя. Хуже того: Рэй не соглашался на гонорар меньший, чем цент за слово, а я упустил возможность сказать ему, что это условие выходит за границы, установленные для меня богом и издателем: когда он

* Mullen, там же.

впервые возник в кабинете, у меня как раз образовались несколько бесхозных долларов. Месяц за месяцем он являлся ко мне с пунктуальностью маятника и каждый раз предлагал новый рассказ. Все его рассказы были нечитабельной халтурой; я купил их все до единого. К счастью, у меня оставалось право сокращать его творения до минимально возможного объема, поэтому, хотя Рэй и сокращал мой поощрительный фонд, но окончательно свести его к нулю не смог»*.

В поисках заработка Каммингс не гнушался и анонимной разработкой сюжетов для комиксов «Капитан Америка» и «Человек-Факел». Скончался писатель в Маунт-Верноне в 1957 г. Вскоре многие его книги пережили второе рождение: в 1960-1970-х гг., они довольно широко переиздавались на волне ностальгического интереса к ранней американской фантастике.

Повесть «Человек на метеоре» (позднее переработанная в роман) была впервые опубликована в январе-сентябре 1924 г. в журнале Х. Гернсбека «Science and Invention» с рисунками знаменитого впоследствии иллюстратора научной фантастики Ф. Р. Пауля. Русский перевод был напечатан в 1925 г. в № 2-5 журнала «Мир приключений»**.

Несмотря на крайнюю наивность фантастического содержания повести – на роль «нового Уэллса» Каммингс никак не годится – кое что в ней все же останавливает на себе внимание. Любопытны описания подводного города мариноидов или сознательное обыгрывание в первых главках повести библейско-апокрифических (от ангелоподобия героев до «грехопадения» и изгнания их из пещерного рая, навсегда скрывшегося за огненной завесой) и особенно фрейдистских мотивов (Нэмо, словно хищный зверь, «влезает в отверстие пещеры» Ноны, купается затем в ручье, вода которого подобна материнскому молоку и т.д.).

* Pohl Fredirick. The Way the Future Was: A Memoir. N.Y., 1979. Цит. по: Бережной С. Человек, не сумевший обуздать время // Взгляд из Дюзы: Авторский сайт Сергея Бережного. 2001. Январь.

** Повесть публикуется по этому изданию с исправлением некоторых опечаток и отдельных устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Для русского читателя повесть любопытна вдвойне – как один из прообразов «Человека-амфибии» А. Беляева (первая публикация в 1928 г.). Вывод этот, как мы увидим ниже, диктуется самой хронологией событий, связанных с беляевским романом. Попробуем изложить их упорядоченно.

По мнению М. Золотоносова, непосредственным источником сюжета для Беляева послужил анонимный роман «Человек-рыба», печатавшийся осенью 1909 г. в газете «Земщина». Этот роман, в свою очередь, являлся переработкой «Человека, который может жить в воде» Ж. де ла Ира (Le Matin, июль-сентябрь 1909); черносотенный борзописец «Земщины» превратил французский роман-фельетон в антисемитский пасквиль*. Неизвестно, что именно читал Беляев: грязную стряпню анонима из «Земщины» или французский текст.

Сходство трех романов сомнению не подлежит. Неужели «Беляев два десятка лет хранил в памяти то, что в 1909 году случайно прочел в газете»? Этим вопросом задается биограф фантаста З. Бар-Селла и тут же дает ответ: Беляев ознакомился с романом де ла Ира «гораздо позже и в виде книги – парижского издания 1926 года» (вероятно, здесь опечатка или ошибка – указанным издательством Ференци роман публиковался в книжном виде в 1921 и 1925 гг.)**. Не исключено. Но почему Беляев в 1926 или 1927 г. вдруг бросился разыскивать труднодоступный французский роман – или вспомнил о забытой газетной публикации? Ответ напрашивается: потому, что в 1925 г. в «Мире приключений» была опубликована повесть Каммингса с красочными описаниями людей-амфибий. А уж за публикациями западной фантастики в приключенческо-фантастических журналах и альманахах 1920-х гг. Беляев следил профессионально, внимательно и пристрастно – и многое из них отложилось в писательскую копилку... Видимо, и единожды прочитанное помнил он неплохо – и потому его роман «Ариэль» вызывает в памяти как «Блестящий мир» А. Грина, так и свободное парение Нэмо и Ноны из «Человека на метеоре».

М. Фоменко

* Золотоносов М. Приключения человека-амфибии // Московские новости. 2003. № 6. Автор опирался в своих изысканиях на ряд работ И. Халымбаджи 1979-1984 гг.

** Бар-Селла З. Александр Беляев. М., 2013 (Жизнь замечательных людей).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.